

Александр Гром

харапыг стеглый

Александр Гром
Харальд Смелый

«Издательские решения»

Гром А. П.

Харальд Смелый / А. П. Гром — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-509749-1

Изменчива Судьба... По ее капризу юный викинг покинул отчий дом, ради обучения Магическому Искусству в чужой, далекой стране. Прошло время. Много повидал он на своем пути: вот он придворный, боевой маг и лучший друг короля, а вот изгой, разделяющий одиночество в башне, находящейся посреди бесконечных, диких просторов Скандинавии, с одним лишь псом. Но везде и всюду, несмотря на превратности этой самой Судьбы, викинг оставался, прежде всего, человеком.

ISBN 978-5-00-509749-1

© Гром А. П.
© Издательские решения

Содержание

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЭРЛИНГОВ	6
От автора	7
ЧАСТЬ 1	8
МАГ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА	8
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Харальд Смелый

Александр Павлович Гром

© Александр Павлович Гром, 2019

ISBN 978-5-0050-9749-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЭРЛИНГОВ
ТРИЛОГИЯ
КНИГА 1
ХАРАЛЬД СМЕЛЫЙ
Аннотация

Изменчива Судьба... По ее капризу юный викинг покинул отчий дом, ради обучения Магическому Искусству в чужой, далекой стране. Прошло время. Много повидал он на своем пути: вот он придворный, боевой маг и лучший друг короля, а вот изгой, разделяющий одиночество в башне, находящейся посреди бесконечных, диких просторов Скандинавии, с одним лишь псом. Но везде и всюду, несмотря на превратности этой самой Судьбы, викинг оставался, прежде всего, человеком. А носил он отнюдь не мягкие прозвища: Харальд Смелый, Железный Волк, Чародей Битв...

От автора

Читатель! Тебе никогда не хотелось попасть в края с быстрыми и чистыми реками, синими, бездонными озерами, шумными водопадами, говорливыми ручьями со студеной водой? В края, где воздух прозрачен, лес велик и дремуч, а за ближайшим поворотом дороги притаилась будоражащая кровь неизвестность? Ведь никогда не знаешь, кого там можно встретить: то ли пещерных троллей, азартно кидающих кости, то ли орков, делящих добычу, а то и коварного дракона, лениво дремлющего на солнышке.

Вот и меня, по натуре бродягу и скитальца, потянуло в неизвестные дебри новой страны на карте одного из моих миров. В дебри сказочного, бескрайнего Скандинавского Континента.

Ты желаешь попутешествовать по этим местам?

Если да, то ступай с Богом, дверь для тебя я открыл. Благословляю...

Александр Гром.

Посвящается первому читателю – жене Алле.

ЧАСТЬ 1

МАГ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

Скалистое плато, мощная башня на крутом утесе, сложенная из аккуратно обтесанных, серо-зеленых гранитных блоков. Предусмотрительно поднятый мост, чьи механизмы прятал глядящий узкими бойницами сторожевой пакгауз. Резкие крики соколов, высматривающих добычу в прозрачном синем небе.

Все это предстало таким, каким врезалось в память около года назад. А что, впрочем, могло измениться в недостижимом для простых смертных месте, окруженном отовсюду пропастью без дна и к тому же защищенном мощными, охраняемыми чарами? Конечно ничего!

Я не спешил, внимательно продолжая присматриваться буквально ко всему вокруг. Попасть в ловушку, словно доверчивый юнец, имея за плечами более двадцати лет, проведенных в походах и сражениях в качестве Боевого Мага, мне как-то не хотелось. Впрочем, я так и не почувствовал, что здесь ошивались мои собратья по ремеслу, вполне способные оставить коварный сюрприз для владельца этих диких окрестностей. Сидевший у моей левой ноги приземистый, широкогрудый, мощный пес желто-коричневой масти, в ошейнике из кожи буйвола, защищенном воронеными шипами пирамидальной формы, с коротким хвостом и небольшими треугольными ушами, повертев по сторонам тяжелой, массивной головой и тщательно обнюхав воздух, так же не выявил ничего подозрительного.

– Хм, ну ладно, – пробормотал я сам себе под нос, – будем считать, что новый этап моей жизни начинается с хорошего.

Мудреное, однако, короткое заклинание, привело в действие механизм подъемного моста, быстро и без скрипа опустивший его к моим ногам.

– Пойдем Булат, – обратился я к своему четвероногому спутнику, – мы наконец-то дома. Понравится он тебе или нет, но другого не будет.

– Мне хорошо везде, где ты есть, Хозяин, – мысленно, с легкой укоризной отозвался могучий зверь. – И плохо везде, где тебя нет.

Я примирительно потрепал его по загривку, и мы ступили на настил с плотно пригнанными дубовыми досками.

По пути к утесу нам пришлось миновать пять или шесть маленьких, дугообразных, будто игрушечных, мостиков из красного гранита, перекинутых через причудливые изгибы бойкой, говорливой речушки Змейки. Наверх к башне вела вырубленная с севера узкая лестница без перил. Уже на небольшой площадке, у толстой стальной двери я остановился, почему-то ощущая странную нерешительность. Потом положил руку на магический замок, барельефом выступающий из металлической поверхности в форме оскаленной медвежьей головы. Мягко щелкнув, дверь распахнулась настежь, а я, перешагнув порог, очутился в квадратном, не имеющем бойниц, помещении, немедленно осветившемся расположенными на потолке плафонами, излучавшими мягкое, зеленоватое сияние. Здесь было пусто. Вся обстановка состояла из пяти деревянных, строгой формы, кресел, а слева от них, на обшитой ореховыми панелями стене виднелись массивные серебряные крючки, предназначены для верхней одежды и головных уборов.

– Такая неприятная прихожая просто необходима, господин Харальд, – горячо уверяли меня строители башни – гномы-мастера с подземелий гор Высокой Короны. – Для чего? Чтобы незваные посетители, посидев, помаявшись пару-тройку часов, сразу смекали, с кем имеют дело.

Слушая гномов, я едва заметно улыбался. О каких посетителях, тем более незваных, могла идти речь, если я жить в башне не помышлял? Ну, разве что в крайне редких случаях посещения Скандинавского Континента. А, в общем, сумасбродная идея занять свою собственную башню возникла у меня на тот случай, если на старости лет взбредет вдруг в голову сделаться отшельником. Но... Старость, когда еще она наступит? К тому же до нее надо умудриться и как-то дотянуть, а тот образ жизни, что я вел, особенно последние два десятилетия, большого оптимизма в этом плане не внушал. Вышло же вон как; Харальд Смелый стал отшельником в сорок два года, в пору расцвета магических и физических сил. Проклятье!!!

Пройдя прихожую, я ступил на лестницу, облицованную малахитовыми плитами и рассеченную пополам узким, но немыслимо красивым ковром работы английских эльфов. Изящные перила красного дерева поддерживали резные зелено-мраморные столбики. Нда-а, вся эта, надо признать, изящная роскошь стоила немалых денег, но в дни службы у короля Англии Стэна I, в качестве придворного боевого мага, они для меня мало что значили. И не потому, что легко доставались. Нет, отнюдь не легко, просто их было много. Даже для человека, имеющего женой одну из первых красавиц двора – огневолосую леди Эшли.

На втором этаже, куда мы мигом добрались, находились кухня и кладовые, где благодаря Магическому Льду царил сильный, сухой холод. Войдя наугад в ближайшую от лестницы дверь, я обнаружил висящие на стенах окорока, колбасы, головки сыра на специальных стеллажах.

– Все бы съел, Хозяин, – хищно раздвинув ноздри, доверительно поведал Булат. Да, мой пес умел говорить, но не словами конечно, а мысленно. – Р-р-р! Ну, по крайней мере, положу!

– А лопнуть не боишься, жадина? – рассмеялся я, кинжалом отрезая от окорока солидных размеров кусок, тотчас упрятанный в вещевой мешок. Туда же вослед полетел сыр и пару колец колбасы.

– Раз до сей поры ничего такого со мной не случилось, то, значит, и не случится, – со спокойствием философа откликнулся пес.

В комнате напротив все свободное место, кроме узкого прохода, занимали бочки с врезанными в бока краниками. Судя по имеющейся на каждой деревянной бирке, в них находились выдержанные разнообразные вина, коньяки, бренди и даже сладкий ликер из солнечной Франции. Набрав полную флягу темно-алого, будто кровь вина, с характерным названием «Слезы Рубина», я завернул в соседнее помещение. Там аккуратными штабелями располагались мешки с высокосортной мукой и ящики с ржаным хлебом, нарезанным тщательно просушенными кусками. Теперь, добавив ко всему уже взятому изрядную порцию сухарей, можно было двигать дальше вверх.

Пес не отставал от меня ни на шаг. Мы преодолели еще четыре этажа, прежде чем очутились в уютной столовой, где напротив небольшого камина, отделанного темно-серыми гранитными плитками и закрытого кованной фигурной решеткой, стоял квадратный стол из красного лакированного дерева и кресло, покрытое вычурной резьбой.

С правой стороны от кресла примостился изящной работы посудный шкаф. С левой, в толстенной стене, имелись три узких бойницы, в чьи рамы были вставлены золотисто-желтые стекла. Суровый камень стен скрывали дубовые плиты, с мастерски вырезанными сценами из жизни скандинавских богов, в которых, честно говоря, я несильно верил. Как впрочем, и в любых других. Потолок покрывала светло-малинового оттенка лепка, расцветшая пышной розой в месте крепления люстры, состоящей из хрустальных кленовых листочков. Пол устилал добротный ковер. Несмотря на толщину изделия арабских ткачей, холодом из-под него тянуло здорово. Хм, что поделаешь, середина лета в Скандинавии не сравнима с той же порой года в доброй, старой Англии.

Впрочем, неизбежно изнежившись в довольно теплом английском климате, я не боялся в своей башне наших самых лютых морозов, ибо под плитами всех этажей, начиная с третьего,

была проложена система труб, по которым в зимнее время циркулировала вода, поступающая из горячих подземных источников. Для этого достаточно спуститься в подвал и всего-навсего открыть нужный вентиль. В хозяйстве башни все было удобно, комфортно и в то же время просто. Но по-другому гномы мастера не строили, всегда сполна отрабатывая деньги нанимателя.

Первым делом я разделил взятые припасы поровну. Долю Булата положил рядом с креслом во взятое из шкафа вместительное фарфоровое блюдо. Сейчас, после долгого утомительного путешествия, мне было не до церемоний. К тому же мой пес заслуживал много большего. Оставшиеся продукты, вместе с флягой, нашли место на столе. К ним присоединился извлеченный из того же шкафа высокий серебряный кубок. Потом я подошел к камину, возле которого высилась предусмотрительно заготовленная стопка дров и ворох хвороста, положил в его зев щедрую порцию в дар огню и поджег, чиркнув огнивом. Конечно, я мог все это сделать с помощью Магии, но, боясь облениться, всегда выполнял любую физическую работу руками.

Убедившись, что огонь вцепился в дрова, будто изголодавшийся волк в оленя, я, удобно усевшись, основательно, не спеша подкрепился. Булат под чистую мигом умявший свое, устроился неподалеку от потрескивающего камина и уже дремал, изредка тихо похрапывая. Отвинтив крышку фляги, я налил темно-алую жидкость в кубок. Несмотря на присутствие верного пса, на душе было страшно одиноко... Да и что тут удивительного? Ведь за двадцать пять лет службы у короля Стэна 1 Справедливого я привык к шумному многолюдью, волнующей непредсказуемости каждого дня, к нежному щебету прекрасных дам, наконец. А здесь, в башне, царили устоявшиеся тишина, безопасность и завораживающий покой, грозившие, как мне вдруг показалось, состарить за считанные годы. Впрочем, деваться отсюда мне все равно было некуда. Так что следует здорово подумать, как бороться со скукой на протяжении всей оставшейся жизни.

– Раньше надо было думать, когда еще имелась возможность, поправ гордость, склонить голову перед этим высокомерным, жестоким юнцом Альфредом, наследником Стэна, – помимо воли мелькнула в голове предательская, малодушная мысль. – А теперь, пожалуй, поздно, когда сам себя живьем зарыл в здешней, бескрайней глуши Скандинавского Континента. Поздно...

– Ничего хорошего подобное «благоразумие» все равно бы не принесло, – со вздохом продолжил бесполезный «диспут» я, – конечно на мои униженные просьбы остаться при дворе, Альфред, скорее всего, выказал бы согласие. Но только для того, чтобы сделать из меня презренного шута. Ведь я являлся лучшим другом его отца. А Альфред, ой как не любил Стэна... Или... Ненавидел? Гм-м, возможно и так.

Выпитое вино навеяло неизбежную грусть и печаль. Захотелось вспомнить всю какую ни есть былую жизнь. Проследить ее от самого начала и до момента исхода в личный, заблаговременно построенный, уютный склеп. Наверное, таким образом, подсознательно, я пытался разобраться в себе, понять, как жить дальше? Ну не сидеть же мне тут в башне до старости, глядя на язычки пламени пляшущие в камине? Да и какой вообще из меня отшельник? Никакой!

Родился я сорок два года назад, далеко отсюда, на большом Снежном острове, расположенном у северо-западного побережья скандинавского полуострова Урманленд. Принадлежал остров Морскому Клану Эрлингов, моему родному Клану... Возглавлял его в те времена мой отец – Беорн Морской Тролль. Свое выразительное прозвище он получил за необычайно высокий рост, могучее телосложение и необузданный нрав. Правда при всем этом он заслуженно слыл человеком честным и благородным. Мать, Илимиру, я почти не помню. Она умерла, когда мне едва исполнилось пять лет, от свирепствовавшей тогда в Скандинавии чумы. Тогда же семья лишилась и Хейлар, моей единственной сестры. Зато Смерть пощадила шестерых братьев: старшего Эйнара и следующих за ним: Фейбранда, Финнварда, Эйлифира, Халмера и Фламберда. Жили мы дружно, хоть порой и дрались отчаянно. Правда мне, как млад-

шему, доставалось меньше всего. К тому же, чрезвычайно рано обнаружившийся Магический Дар, зачастую еще неуправляемый и непредсказуемый в моменты ярости, заставлял десять раз хорошо подумать, а стоит ли задевать ходячую неприятность?

Да и вообще, мои сородичи, морские урманы, заселявшие острова и побережье полуострова Урманленд, к людям, наделенным даром, относились традиционно уважительно. Во-первых, потому что их было очень мало, а во-вторых, из них порой получались неплохие Целители, Погодники, либо, что еще реже, Боевые Маги. То и другое приходилось как нельзя, кстати, в опасной, полной лишений, жизни викингов, насыщенной абордажными схватками, набегами на прибрежные города Дунленда, либо богатой, плодородной Европы и далекими походами к неведомым землям.

Довольно часто между самими Морскими Кланами вспыхивали кровавые войны, в которых зачастую побеждал тот, кто имел на своей стороне опытного чародея. Но обучение ода-ренного юноши в Школах Магических Искусств обходилось ой как недешево. Самоучки же не многого стоили, а порой бывали даже смертельно опасны своим невежеством.

Обитавшие вдали от побережья Сухопутные Кланы вообще не могли похвастаться ни одним Магом, достойным упоминания. Промышлявшие морским разбоем урманы с презрением говорили, что это наказание Богов за врожденное малодушие. Зачем, мол, трусам Магия? И без ее помощи можно вести их образ жизни: прятаться в дикой глуши по бревенчатым домам, пасти скот, вкалывать на маленьких полях, с трудом отвоеванных у девственного леса, собирая потом скудный урожай, ловить рыбу, да бить пушного зверя.

Но впрочем, лично я считаю, что в вопросе обделения сухопутных урманов Магическими Талантами должно быть другое объяснение. Что касается меня, то первые проявления Силы начались примерно лет с семи. Сначала я мог просто на расстоянии двух шагов слабо пошевелить лежащую на столе ложку, потом постепенно приловчился сгибать ее пополам. Дальше больше: в ход пошла кочерга, в итоге скрученная в узел, меховая рукавица, поднятая высоко над полом и удерживаемая в течение нескольких минут в неподвижном состоянии, а со временем – тяжеленный, дубовый, окованный железом сундук, набитый всяким барахлом. Гм, а то и кто-нибудь из братьев суматошно барахтался под самым потолком. Такое, следует признать, тоже несколько раз случалось. Мои мелкие шалости отец старался не замечать, но за серьезные проделки лупил немилосердно. Теперь то я его хорошо понимаю, а вот тогда здорово обижался. Да, отец поступал правильно. Ибо, каким еще другим образом можно было держать в узде мою, порой чрезмерно выпирающую наружу Силу? А в обучение к Магам он, по общепринятому закону, мог меня отдать только в пятнадцать лет. Но...

Все же пришлось сделать это на три года раньше. Причиной послужило то обстоятельство, что я едва не угробил его любимый драккар «Гери». Случилось это в Северном море, но если уж вспоминать, то надо вспоминать все по порядку.

В десять лет отец впервые взял меня в вик-морской грабительский поход к далеким берегам сказочно-богатого Миклагарда или по-европейски Византии. В Атлантическом океане мы попали в сильнейший шторм и потеряли три драккара из пяти. Четвертый, спустя сутки, в густом тумане налетел на рифы неведомого острова. Спасти удалось менее трети команды... Продолжать плавание в Византию теперь не имело смысла и отец приказал повернуть назад. А на рассвете Ньерд-бог и покровитель мореплавателей послал нам в утешенье франкский торговый корабль, идущий с грузом из жаркой Испании. Наш драккар «Гери» быстро настиг его, подошел борт о борт и намертво сцепился с ним полетевшими кошками да крючьями. Схватив круглый щит, я с мечом в руке первым прыгнул на чужую палубу, встретившую меня пением стрел. Две из них впились в щит, одна слегка оцарапала щеку, остальные же, на удивление, пролетели мимо. Да оно и понятно – нервничали стрелки, страшась ужасных скандинавских варваров, нагонявших дрожь на всю Европу.

Не ожидая следующего залпа, я очертя голову ринулся на ошестинившуюся сталью толпу защитников судна. Тут бы и пришел мне конец, но подоспели наши. Спустя пять минут с командой было покончено, вернее с теми, кто оказал упорное сопротивление, а сдавшихся решили отпустить на большой парусной шлюпке. Отцу всегда претило бессмысленное кровопролитие. Трюмы взятого на abordаж судна оказались забиты тюками дорогой материи, ящиками с восточными специями, стоящими весьма дорого, и бочонками отменного испанского вина. Кроме того, в каюте капитана были обнаружены большой ларец полный золотых луидоров и шкатулка поменьше, сиявшая мягким светом драгоценных камней.

Впервые, после проклятого шторма, люди отца стали улыбаться. Но надо было еще доставить все это богатство во владения Клана. На франкский корабль перешла команда разбившегося о рифы драккара. Мы же на «Гери» пошли рядом, как сопровождение. К счастью Удача больше не покидала нас до изрезанных фиордами берегов Снежного острова.

После того памятного, первого в моей жизни abordажного боя, я, к своему удовольствию, получил прозвище – Смелый. Но и... Хм – м, от отца за то, что полез вперед старших. За неуважение... На следующий год мы не смогли предпринять набег даже на побережье сравнительно близкого Скоттленда, то есть Шотландии. Имея всего один корабль, это было несерьезной затеей. О дальних походах приходилось забыть до тех пор, пока на верфи, расположенной в южной части Снежного острова, не достроят пять новых драккаров. Несмотря на это, отец, имевший энергичную, деятельную натуру, не собирался сиднем сидеть дома. Он приказал снарядить «Гери» всем необходимым и мы отправились искать счастье в холодные просторы родного Северного моря.

На вторые сутки наших блужданий небо, предвещая бурю, потемнело, ветер покрепчал, грозя сорвать туго натянутый парус. Крики чаек и те стали звучать предостерегающе тревожно. Можно было встретить грядущий шторм, уйдя подальше в море, или же попытаться укрыться в одном из многочисленных фиордов юго-западного побережья Скандинавского Континента. Отец выбрал второй вариант, ибо суша находилась рядом, на расстоянии не более двух-трех миль.

Не мешкая попусту, мы сменили курс и вскоре уже входили в узкую горловину фиорда, похожего формой на пузатую бутылку. К нашему ликованию он оказался отнюдь не пуст. Невдалеке от берега стояли большой новгородский челн и сопровождавшая его боевая ладья. Завидев нас, русичи засуетились, спешно готовясь к бою. Ладья попыталась развернуться носом, но не успела. Мы с ходу ударили в ее увешанными щитами борт, окованным бронзой тараном, расположенным в подводной передней части «Гери». Раздался громкий треск, а драконья голова нашего корабля угрожающе нависла над проломленной палубой злосчастной ладьи. В мгновение ока мы все очутились на ее дощатом настиле. Отец, с огромным топором в руках, повел нас на ошестинившихся копьями широкогрудых, бородатых дружинников, сгрудившихся возле статного воина, закованного в стальные доспехи с головы до пят. Какое-то время они упорно сдерживали бешеный натиск моих сородичей, потом, неохотно уступая, стали медленно пятиться к корме, продолжая, тем не менее, ожесточенно обороняться. Но участь их была предрешена с самого начала нашим численным перевесом: на каждого русича приходилось по двое-трое урманов.

Так оно в итоге и произошло: прижатых к корме дружинников безжалостно перебили вместе с вождем, а тела сбросили в воду. После чего наши взоры обратились в сторону торгового челна. Он оказался покинут. Купцы и команда, не ожидая повторения участи своей охраны, бросив добро на произвол судьбы, дружно карабкались по крутым скалистым склонам к зарослям леса, темневшего наверху неровной полосой. Впрочем, они напрасно так торопились, потому что нас интересовал только товар, находящийся в трюме челна.

«Гери» на веслах отошел от изуродованного борта ладьи, развернувшись по дуге обошел ее, направляясь к обезлюдевшему челну. Там нас ожидала действительно богатая добыча: бес-

численные охапки шкурок горноста, соболя, черно-бурой лисицы, норки, снежного песка, а так же бочки с душистым медом, окорока, отменные балыки, мешки с отборной пшеницей и в числе прочего партия серебристых кольчуг превосходного качества. Детальный осмотр захваченных богатств прервала начавшаяся в полную силу буря. Хотя здесь, в фиорде с узким входом, опасности она практически не представляла. Все же необходимые методы предосторожности пришлось принять: мы убрали паруса, а сам драккар дружными усилиями вытащили на пологий с восточной стороны берег. Челн имел более глубокую осадку, поэтому его просто поставили на якорь в центре водной акватории фиорда.

Переждать шторм пришлось до позднего утра следующего дня. Всю ночь воины отца жгли костры, жарили тушки диких коз, в изобилии водившихся в здешних окрестностях, пили вино и горланили урманские песни о былых походах да знаменитых героях. Не позабыли и о безопасности: на подступах к лагерю, в укромных местах, были расставлены сторожевые посты. Держаться следовало настороже, ведь неподалеку находились земли проклятых данов. Не стоило сбрасывать со счетов и ретировавшихся с челна торгашей. В темноте они вполне могли попытаться отбить назад свое добро, или же просто отомстить, обстреляв стрелами, либо арбалетными болтами. А хорошо освещенные огнем фигуры пирующих, представлялись довольно заманчивыми мишенями. К счастью ночь прошла спокойно.

В десять утра мы покинули фиорд, пересадив на челн три десятка опытных морских волков. Им предстояло самостоятельно довести захваченный торговый корабль в наши владения. Особого риска это не составляло, ибо учитывая быстроходность челна, достичь Урманленда они могли менее чем за двое суток. В полдень мы расстались. А утром, следуя на запад, «Гери» повстречался с нашими извечными врагами и соперниками в морском разбое – данами. Шли они на двух больших драккарах, попытавшихся сразу сходу атаковать наш корабль с правого и левого борта. И вот тогда-то, вдруг вспомнив, что эти негодяи недавно сотворили в одной деревушке, расположенной на северо-западном берегу Снежного острова, я сорвался в бездну гнева, подкрепленного Магией. Увы, в то время я еще толком не осознавал, сто любое чародейство требует основательной подготовки, ясной головы и холодной выдержки. Хм, да и откуда мне было знать?

Словом, загоревшись ненавистью, я совершенно неожиданно для себя воплотил ее в плотный огненный шар, отделившийся от моей руки и послушно понесшийся к вражескому судну, заходившему с правой стороны. Угодив в борт, он прожег его и почти тот час драккар стал исходить тонкими, многочисленными струйками дыма, вырывающимися из-под палубы. Даны заматались, открывая люки, в которые тут же полилась передаваемая по цепочкам забортная вода в ведрах. Но все их усилия оказались тщетны. Из люков внезапно взметнулось высокое пламя, очень быстро объявившее вражеский драккар полностью.

Не обращая внимания на изумленные лица отца, братьев и команды, приготовившихся к неравному, кровопролитному бою, я развернулся к кораблю данов, идущему на сближение по левому борту. И вновь из моей руки карой Одина выпорхнул огненный шар, попавший на этот раз в мачту, вспыхнувшую яркой свечой. На драккаре поднялась суматоха, но тем дело и кончилось, огонь не перекинулся на остальную часть судна.

Мне бы взять, да и удовлетвориться достигнутым результатом, к тому же напуганные даны под улюлюканье урманов отца стали на веслах спешно разворачивать свой драккар прочь. Но... опьяненный внезапным могуществом я решил добить исконных врагов. Третий огненный шар послушно возник как и два предыдущих, вот только повел он себя совершенно иначе. Запрыгав в воздухе из стороны в сторону, он вдруг понесся вниз, угодив в брезентовый навес на корме «Гери». Тот естественно мгновенно загорелся. А я получил от отца та-акой подзатыльник, что кубарем покатился по палубе. Нда-а-а! Пожар тогда дружными усилиями быстро потушили, зато несчастная голова моя гудела еще ой как долго.

Уже после возвращения домой, отец срочно послал за одним старым отшельником, живущим в пещере острова Ста Ветров и немного смыслящим в Магии. О чем они говорили я не ведаю. Помню только, что провожая отшельника отец был расстроен. Причину его плохого настроения я выяснил в тот же день.

– Харальд, сынок, иди сюда, – позвал он, найдя меня у пристани в компании сверстников, коим я непомерно хвастался, расписывая свои недавние подвиги.

– Да, отец, вот он я, – бодро отрапортовал я. Покинув товарищей провожавших меня завистливыми взорами. Их пока еще ни разу не брали в морской поход.

– Ты вот что, хм-м... – он ненадолго замолчал, а затем деланно будничным тоном закончил, – самое позднее через месяц готовься отправиться в Лондон, в Школу Магических Искусств.

– Вот уж спасибо, – насутился я тогда после его слов, – да меня, как чистокровного Эрлинга сразу же казнят, едва я ступлю на землю их королевства туманов. Сам знаешь, англы не больно жалуют урманов, разоряющих прибрежные города.

– Я обо всем договорюсь с королем Корвином, – постарался успокоить меня отец. – Хвала Одину, в нашем мире золото решает почти все проблемы. А его, к счастью, у нас хватает. Благодаря тем же англам, например, – тут отец громко и раскатисто расхохотался.

– А почему я должен ехать учиться Магии в далекую Англию, где все к урманам настроены враждебно, а не к тем же дружественным свейям, живущим по соседству в Скандинавии? – с немалым удивлением спросил я.

– Как ты сказал? Дружественные свейи? – отец скривился, словно от сильной зубной боли. – Нет, сын, они нам отнюдь не друзья. Видишь ли, вольные урманские Клань нужны свейскому королю для того, чтобы успешно противостоять растущему могуществу Дунленда. Когда же хребет данам будет сломлен, настанет наш черед. Вот и вся дружба, мой мальчик. К тому же Стокгольмская Школа Магии сильно уступает Лондонской.

– Отец, может не стоит так спешить с моим обучением? – попытался я увильнуть без особой, впрочем, на то надежды. – Я могу поклясться тебе чем угодно, что больше ничего не буду поджигать, либо разрушать. Отец, давай подождем еще положенные три года!

– Нет, Харальд, будет так как я решил, – со всей неумолимостью отрезал отец. – Пойми, как бы ты не клялся, но твоя горячая, молодая кровь не всегда послушает доводов разума. А с той силой, что заложил в тебя Один... Это, поверь, страшно, сынок. Я не имею в виду мелочи вроде поджигания «Гери». Ну ты понимаешь меня. Да и вообще я давно хотел нанять стоящего боевого мага. Вот ты им и станешь! Зачем нам чужаки со стороны?

– Гм-м, что же, ладно, будь по-твоему, – скрепя сердце согласился я. Ничего другого мне не оставалось. С отцом никогда не спорили даже старшие сыновья. Так неужели самый младший мог не подчиниться его воле?

Спустя месяц я уехал... В страну, где мне было суждено прожить тридцать лет. В Англию... Отцу действительно пришлось раскошелиться. Тысячу золотых талеров он заплатил королю Корвину за мою неприкосновенность, еще тысячу получил Ректорат Лондонской Школы Магических Искусств. Кроме этого, повелитель англов потребовал от Эрлингов перемирия сроком на двадцать лет. Отец согласился, невзирая на недовольство некоторых влиятельных людей Клана.

– Дело того стоит, – безапелляционно заявил он им, чем и закрыл тему для дальнейших обсуждений.

В школе встретили меня без особой радости, что впрочем, неожиданностью не явилось. Я заранее предполагал нечто подобное. Ведь я был урманом, скандинавским разбойником, к тому же родным сыном самого Беорна Морского Тролля. Первые пару месяцев мен пришлось отстаивать свое место под солнцем. Зная, что новичок младше на несколько лет даже сотоварищей по первому году обучения, многие вначале старались показать превосходство. Но после

безжалостно выбитых зубов, заплывших глаз, одной сломанной руки и нескольких ребер, таких желающих заметно поубавилось. Не имея внушительной, мощной фигуры отца и пошедших в него братьев, я тем не менее обладал ловкостью, храбростью и силой тигра. Не прошли для меня даром и те суровые походы, в которых довелось участвовать совсем недавно. Так могли ли противопоставить такому отчаянному сорвиголове изнеженные сынки дворян да богатых торговцев? Ничего серьезного. Ко всему прочему я оказался наделен Магической Силой куда больше основной массе учащихся. И хоть использовать ее мы имели право лишь на занятиях, это тоже плохо остужало излишне горячие головы, хотя одновременно прибавляло завистников. Данное обстоятельство, впрочем, не слишком заботило крепкого на кулаки и быстрого на расправу варвара. Так за глаза меня называли даже почтенные деканы Школы. Да, в ту пору друзей у меня не было, они появились позже. Теперь по прошествии времени я опять один...

Друзья погибали от ран на поле брани, умирали от ядов, коварных ударов из-за угла в спину. Не хуже острой стали сводила в могилу подлая клевета. Порой причиной смерти являлась любовь, против этого я восставал всей душой. Не стоят того бабы. Ну никак не стоят! Проклятая Эшли неоспоримое доказательство. В памяти возникло невероятно красивое лицо моей жены. Бывшей жены... Отчего-то заныло сердце и я усилием воли отогнал видение. Все по порядку, значит все по порядку. Настанет еще черед вспомнить и эту сучку.

Второй, третий год обучения в Школе пролетели очень быстро. Я овладевал Знаниями: что-то давалось мне легко, что-то нет, но, тем не менее, я входил в число самых лучших учеников на факультете Боевой Магии. А на четвертом году погиб отец...

Это произошло во время морского сражения с нашими кровными врагами – многочисленным, могущественным данским Кланом Хармстаалей. Погубил отца стальной арбалетный болт, прошивший навылет кольчугу и его отважное сердце. Клан Эрлингов возглавил мой старший брат Эйнар. Он очень напоминал отца: обликом, поступками, благородством души. Это конечно в какой-то степени примиряло с горем, но облегчить его никак не могло. Несмотря на полученную из дома черную весть, учебу я не забросил, а наоборот стал собранней, целеустремленней, внимательней на занятиях. Ведь я должен был сполна отомстить ненавистным Хармстаалам за смерть отца. «Хочешь отомстить врагу сполна, обдумай все как следует, накопи силы, выжди удобный момент, – учил своих сыновей Беорн Морской Тролль, – и только тогда наноси удар возмездия».

– Ничего, отец, придет еще время, когда живые Хармстаали позавидуют тебе мертвому, – как заклинание твердил я каждый раз перед сном. – Я сожгу их корабли, разрушу селения, уничтожу всех способных держать оружие, а остальных обращу в жалких, ничтожных рабов. Потерпи отец, потерпи...

В своих сладких мечтах о мести я позабыл о существовании братьев. А именно они, спустя три месяца после гибели отца, сполна расквитались с Хармстаалами – разгромив подчистую их флотилию, предав огню добрый десяток крупных селений на побережье Дунленда и разрушив полтора десятка опорных пунктов на островах Мглистой Цепи. Когда я услышал о морском и сухопутном побоище я не знал радоваться мне или горевать. Хармстаали конечно умылись кровью, это было очень хорошо, но отомстили другие – не я. И пусть эти другие приходились мне родными братьями, все одно я еще долго чувствовал себя обделенным.

Теперь, по прошествии стольких лет, умудренный жизнью, я понимаю, насколько глупы были мои тогдашние терзания. Страшную месть без пощады и без оглядки даже на возраст я прошел потом и усвоил до конца дней своих, что она приносит вместо удовлетворения только ночные кошмары да тяжкие, нескончаемые угрызения совести. Благо, я мечтал о подобных «подвигах» будучи зеленым юнцом, но в дальнейшем я повидал немало зрелых людей живущих лишь ради одной мести. И, как правило, это пагубное чувство делает человека ущербным, несчастным чудовищем.

После победы над Хармстаалями, Эйнара стали звать Сокрушителем. Клан наш прославился еще больше, а Харальд... Бедный, оторванный от родины Харальд продолжал старательно зубрить заклинания.

Где-то в середине пятого – последнего года обучения в Школе Магических Искусств, будучи уже семнадцатилетним юношей, я совершенно случайно познакомился с наследником английского престола, ставшим впоследствии моим самым лучшим другом. Как ни странно, произошло это в одном второразрядном лондонском трактире. Я зачастил в него из-за молоденькой, смазливой служаночки, не обращавшей на меня никакого внимания. Хм, что поде-лаешь, я был тогда довольно робок с женщинами, да и денег особо у меня не было, что тоже немаловажно в отношениях с противоположным полом.

Так вот, я как обычно уселся за дальний столик у окна, заказал жареный картофель, бифштекс с кровью, копченую камбалу и бутылку недорогого белого вина. Однако Изабель, так звали девчонку, в тот вечер так и не появилась. Вместо нее клиентов обслуживала рыжеволосая девица, похожая на ирландку. Я, испытывая полное разочарование собрался уже уходить, как неподалеку за одним из столиков внезапно вспыхнула громкая ссора. До этого момента я не присматривался к повздорившей компании. Да они ничем и не выделялись на фоне остальной публики, сначала набившей брюхо, а потом так же азартно резавшейся весь вечер в карты. Хм, хотя нет, одному из четверых тут совсем не место: у него молодое сероглазое благородное лицо, новый добротный камзол, выхоленные руки. Его компаньоны по игре совсем другого пошиба: мрачные, подозрительные типы с бегаящими хитрыми глазами. И они явно имели к сероглазому какие-то претензии, грозящие обернуться солидным мордобоем.

Почувствовав вдруг неожиданную симпатию к попавшему в переплет юноше, бывшему, наверное, чуть постарше меня, я решил вмешаться.

– В чем дело, уроды? – предельно вежливо спросил я, возникая у них за спиной. – чего пристали к порядочному человеку?

Все четверо, как по команде, уставились на меня. И надо сказать уставились, будто на идиота, ибо так просто подставлять себя под нож не было в традициях лондонских обывателей.

– Послушай, сопляк, – змеей прошипел самый отважный из троицы с основательно перебитым носом. – вали отсюда подобру-поздорову, а то... Здесь и останешься.

Он хотел сказать что-то еще в том же духе, но не успел. Мой правый кулак, крушащим молниеносным ударом, угодил ему прямоком в многострадальный нос. Во все стороны брызнула густая алая дрянь, а несчастливец, ломая попавшийся по пути стул и отодвигая стол, словно подкошенный рухнул на пол.

Проклятье! Чего не могу терпеть, так это угроз!

За кривоносого со мной решил сполна рассчитаться его товарищ, чернобородый крепыш, извлекавший из металлических ножен противно заскрежетавший ржавый кинжал устрашающих размеров. И он пустил в ход оружие, не медля. Я же, избегая разящего в бок выпада, чуть отклонился влево, одновременно перехватывая жилистую кисть, безжалостно ее выкручивая, а затем с противным хрустом ломая. Вой раздался... Волосы могли дыбом встать. Чернобородый, скуля и всхлипывая, еще не успел свалиться, как оглушительно треснул стул, разбитый о голову последнего из троицы. Этот сероглазый, оказавшийся не из робкого десятка, внес вою лепту в общее дело.

– Молодец, – я одобрительно хлопнул его по плечу, – однако, с чего же такой сыр-бор? Надеюсь, действительно они виноваты?

– Не сомневайся, – довольно уверенно заверил меня сероглазый, – мерзавцы проиграли мне большую сумму, но, приняв меня за неопытного, трусливого юнца попытались тут же отобрать.

– И отобрали бы, не окажись я рядом, – насмешливо хмыкнув, подумал я.

– Да, я хотел бы, – сероглазый замылся. – Хотел как-то отблагодарить тебя за помощь. Сделай одолжение прими половину выигранных денег. Только без обид, ради всего святого!

– А на восстановление заведения, вы сударь, ничего не пожелаете оставить? – желчно поинтересовался тенью возникший трактирщик с красной физиономией потомственного пьяницы. – Смотрите, два стула сломаны, стол поврежден, пол в крови, клиенты напуганы, на главное пострадала репутация трактира. А это сударь мой...

– Заткнись, кабанье рыло, – грубо прервал я его словоизлияния, – лучше скажи – сколько?

– Десять больших серебряных талеров, – заявил тот, не моргнув глазом.

– А столько достаточно? – я сунул под нос хозяину фигу. – У, шкуродер! Да тебе четырех бы за глаза хватило.

– Эй, ребята! – кликнул трактирщик двоих вышибал с могучими фигурами опытных борцов, до этого безучастно стоявших у входа. – А ну, идите-ка живее сюда!

– На, подавись, – пресекая дальнейшее негативное развитие событий сероглазый с презрением швырнул на стол десять золотых монет, – теперь же исчезни и пришли нам лучшего вина, да что-нибудь закусить.

Униженно кланяясь, мгновенно преобразившийся трактирщик прытко загреб золото профессионально-небрежным движением руки, дал отбой уже подскочившим костоломам, а затем припустил в направлении двери ведущей в поварскую.

– Напрасно ты, сударь, отвалил ему такую сумму, – счел нужным укорить я незнакомца. – То, что мы повредили немного стоит. Старье – одно слово, а ты за него золотом соришь. Я уже молчу о главном – репутации сего «достойного» заведения. Она то действительно ничего не стоит.

– Пустое, – с усмешкой отмахнулся сероглазый, – сегодняшний вечер, повторю, был для меня довольно удачным, – тут он достал из кармана камзола потертый замшевый мешочек, высыпал горку золотых талеров, отсчитал половину, вышло монет тридцать не меньше и подвинул их мне.

– Возьми, – вновь настойчиво попросил он, – тебе они пригодятся. Разве не так?

– Пожалуй, – после некоторого колебания согласился я, – но и тебе они лишними не будут.

– У меня довольно богатый отец, – со всей серьезностью ответил сероглазый, – к тому же он не скуп. Бери!

– Хм, ладно, – без особого труда согласился я, – пусть будет по-твоему. Благодарю сударь!

Свалившиеся неожиданно-негаданно деньги пришлись, по правде говоря, очень кстати, ибо я пару месяцев назад здорово потратился на одну юную красавицу – дочь состоятельного торговца сукном. Растратился так, что средств выделенных Кланом на мое содержание на этот год почти не осталось.

Служанка принесла пузатую бутылку в паре с сочной грудинкой. Разлив вино по высоким глиняным кружкам, мы выпили за знакомство, одновременно по-философски спокойно наблюдая за тем, как вышибалы без особых церемоний за ноги выволакивали прочь из трактира наших недавних противников.

– Но как же так, сударь, – опомнился вдруг я, – пьем за знакомство, а представиться друг другу позабыли.

– В самом деле, – искренне удивился сероглазый, но назвать свое имя не очень то спешил.

– Харальд Смелый, из урманского Морского Клана Эрлингов, – я первый проявил инициативу, – студент пятого года обучения в Лондонской Школе Магических Искусств.

– Сын знаменитого разбойника Беорна? – вырвалось у изумленного сероглазого. Правда он, сразу же осекшись, стал извиняться. – Ох, прости, сударь, я не имел в виду ничего дурного или обидного. Слово Чести!

– Ну конечно нет, – всерьез оскорбился я на него, – а если и имел, так что? Не оправдываться же тебе за это передо мной. Я ведь урман, а урманы все сплошь дикие варвары, гнусные язычники не верующие в Спасителя, да кровожадные пираты. О таких не совестно подумать плохо. Прощай, сударь! – я встал из-за стола и сделал к выходу лишь один шаг, как был остановлен окриком.

– Эй, урман! Не спеши не познакомившись.

– А стоит ли теперь? – довольно холодно осведомился я, неспешно оборачиваясь. – Ты благородный англ, я невежественный варвар.

– Ты очень обидчивый варвар, признаю только это, – примирительно сказал сероглазый, протягивая мне руку. – Но полагаю, ты все же отнесешься снисходительно к принцу Стэну, сыну короля Корвина 3, наследнику английского престола? Предлагающему к тому же свою дружбу, а?

– Э-э-э, -обескуражено протянул я, затем напомнив себе, что Эрлингам никакой король не указ, с прежним холодком в голосе спросил. – Это правда?

Пожав плечами, сероглазый утвердительно кивнул.

– Хм, тогда у тебя действительно очень состоятельный отец, – с невольной улыбкой отметил я, вспомнив недавние слова сероглазого.

Мы оба от души расхохотались, обменявшись крепкими рукопожатиями. С того дня и началась наша дружба, не омраченная никогда, ничем и длившаяся двадцать пять лет...

Принц по натуре оказался самым настоящим авантюристом. Собственно, благодаря этому качеству мы и познакомились, когда он, по своему обыкновению переодевшись в простую одежду, выбрался навестить злачные заведения лондонских окраин. Нда-а, чего мы только в дальнейшем по молодости не вытворяли! Хм-м, от некоторых воспоминаний я краснею даже сейчас. Нет, мы никогда не убивали, не похищали, не насильовали, но шалости, вроде дождей, подброшенных в отхожее место трактира, где с нами невежливо обошлись, тоже, наверное, чего-то стоят. Великий Один! Как же тогда оттуда перлю все накопленное долгими годами дерьмо! А мы, два придурка, стояли неподалеку, зажав носы и ржали, будто ненормальные. Ох-хо-хо... Но, впрочем, это еще цветочки. Бывали, увы, и ягодки. Например, когда мы написали послание от лица Королевского Совета лично ректору Школы Магических Искусств, милорду Персивалю, а Стэн, вдохновитель и инициатор затеи, заверил документ позаимствованной у отца печатью. В послании говорилось о закрытии школы сроком на двадцать лет и о высылке из Англии самого ректора на далекий, пустынный остров, в изгнание. За... Э-э, сейчас постараюсь вспомнить. Ага, вот: за совращение детей, хождение по улицам нагишом, пьяные дебоши, воровство лошадей, шулерство в карточной игре. В вину несчастному вменялись так же каннибализм, подделка золотых талеров, многоженство, хула Спасителя и еще вдобавок ко всему прочему шпионство в пользу иностранной державы.

Без утайки признаю, в данном случае мы здорово перегнули палку. Тем более, что милорд ректор был более чем порядочным человеком. И его, несчастного, едва удар не хватил после прочтения упомянутого «указа». Виновников розыгрыша обнаружили моментально. Ума, впрочем, много не требовалось, ибо королевскую печать мог взять только лишь Стэн, уже давно зарекомендовавший себя большим шутником. Я же все свое свободное время от учебы проводил с ним, к тому же к Школе Магических Искусств имел самое непосредственное отношение. Словом, приятеля моего король приказал в назидание выпороть розгами, что было, наверное, впервые в его двадцатилетней жизни. Меня, как вольного урмана из грозного Морского Клана Эрлингов, физически тронуть не рискнули. Зато на две недели закрыли в крохотной холодной келье, где из еды я видел только черствый хлеб, а из питья – воду. Проклятье! Ох, и зол же я был на Стэна! Но когда мы встретились, и принц продемонстрировал мне свою спину в еще свежих рубцах, я его с раскаянием простил.

Все-таки, если подумать, я отделался легче. Ну посидел в одиночке, ну поскучал, зато отдохнул, отоспался вволю, про что давно забыл со своей учебой и похождениями допоздна. Потерянное впустую время мы навертали невероятно быстро. За что я опять едва не угодил в уже знакомую келью, грозившую стать мне вторым домом, а Стэн вновь едва не отведал розги.

Незаметно пролетели полгода. Впереди у меня предстояли непростые дни. Сначала я должен был сдать выпускные экзамены по общей Магии, а уже потом выдержать аттестацию по своей основной специальности – Магии Боевой. После получения диплома Мага мне следовало вернуться на родину в Скандинавию, отрабатывать затраченные деньги Клана. Я горячо мечтал о возвращении все четыре с половиной года, но теперь желание это пропало. Не хотелось расставаться со Стэном, да и в девчонку одну влюбился по уши. Еще, говоря откровенно, я полюбил Лондон: его узкие, мощенные серо-голубым булыжником улочки, застроенными высокими, зачастую в три-четыре этажа домами под красночерепичными крышами. Его широкие, великолепные площади, красующиеся величественными скульптурами работы лучших мастеров Европы, его зеленые парки с многочисленными, причудливой формы фонтанами, а так же трактиры, где всегда поджидало какое-нибудь приключение, либо интригующее знакомство... Пришлись по вкусу и светские приемы при королевском дворе, куда Стэн частенько выписывал мне приглашение как своему другу.

Что и говорить, после захватывающей столичной жизни Снежный остров представлялся глухим, медвежьим углом, а морские походы и сухопутные рейды стали казаться занятием несправедливым и жестоким. Стэн, понимавший меня как никто другой, предложил остаться в Лондоне еще на пять лет, для того чтобы продолжить обучение в Высшей Школе Магических Искусств.

– Это невозможно, сам знаешь, – резонно возражал ему я, – в Высшую Школу принимают лишь подданных Английской Короны.

– Гм, ну да, верно, – неохотно соглашался Стэн, – но разве не может быть исключений? Вот я и постараюсь уговорить отца, чтобы для тебя сделали это исключение.

– Поговори, конечно, – отвечал я, безуспешно пытаясь скрыть сомнение, – а вдруг получится.

Стэн, вероятней всего и сам не испытывал особого оптимизма по поводу своей затеи. Потому что был прекрасно осведомлен, что по большому счету делами в государстве заправляет не Корвин 3, а Королевский Совет во главе с лордом Джулианом. С этим знатным вельможей принц издавна пребывал в довольно натянутых отношениях. Не способствовало их улучшению и то обстоятельство, что именно лорд Джулиан настойчиво рекомендовал королю проучить Стэна розгами, за то злосчастное послание ректору Школы. Так что просить лорда об услуге было не с руки. Да и что толку?

И уехал бы я вскоре в свою суровую Скандинавию, не случись непредвиденного. Корвин 3, с детства страдавший приступами жестоких головных болей, внезапно скончался от кровоизлияния в мозг. Теперь Стэн должен был стать королем. Наследство от отца ему досталось нелегкое. Из особо крупных неприятностей нужно упомянуть затяжную войну на два фронта: против воинственной Шотландии с одной стороны и английских эльфов с другой, оборонявших свои земли на западе королевства.

Война с шотландцами велась в основном на границе. Они захватывали сторожевой форт, либо укрепленный замок, потом их оттуда выбивали и отгоняли назад в горы. Затем все повторялось.

С остроухими дело правда медленно, но шло к концу. За четырнадцать лет была захвачена большая часть принадлежащей им по праву Страны Озерного Лосося. Все уцелевшие после ряда больших и малых сражений укрылись в последнем оплоте – Золотых Дубравах, периодически совершая незначительные вылазки и недалекие рейды малыми группами. Но с каждым прошедшим месяцем эльфам становилось заметно труднее оказывать сопротив-

ление. А причины таковы: подлесок вокруг Дубрав неуклонно вырубался, освободившаяся же земля расчищалась от валунов, способных служить мало-мальски удобным укрытием разведчикам.

Один за другим подходили корпуса Егерей, Лесных Лучников, отборные части Порубежной Стражи, перебрасываемые с ирландской границы, а так же отряды Бойцов-Следопытов, со сворами лютых, быстрых, словно ветер, натасканных псов. Смертельная петля вокруг пристанища остроухих затягивалась постепенно, но тщательно и верно.

Когда это произойдет, плотное кольцо опытных, бывалых воинов двинется очищать лес от засевших в нем эльфов, не забыв конечно оставить за спиной два-три кольца оцепления на всякий случай. Зачистка Дубрав наверняка удастся основательно подготовленной королевской армии, хотя и обойдется немалой кровью. Эльфам терять то особо нечего. Все что можно они уже потеряли: прекрасный край Озерного Лотоса, великолепные дворцы, полные сокровищ не только духовного плана, короля и почти всю его семью, свое гордое высокомерие и чувство холодного превосходства над людьми. Остались лишь Золотые Дубравы, да и те, увы, ненадолго.

Третьей крупной неприятностью, наверняка превосходящей первые две, для Стэна являлся Королевский Совет, привыкший за долгие годы совершенно не считаться с монархом. В этом на сто процентов был виноват сам Корвин 3, имевший пристрастие к охоте, пирам до утра, да еще к особам слабого пола. И не имевший, к сожалению, такового к государственным делам и политике. Ко всему сказанному король был чрезвычайно покладист, что здорово облегчало лорду Джулиану задачу управления им. Благодушный – вот под каким прозвищем вошел он в Исторические Летописи и надо заметить оправдывал его целиком и полностью.

Стэн же был совершенно иной. Независимый, самостоятельный буквально во всем, обладающий пронизательным, острым умом, отважный, непредсказуемый, он представлялся полной противоположностью своему отцу. А это означало его неизбежные конфликты и трения с Советом буквально с первых шагов в качестве нового короля.

Какое-то время после похорон Корвина 3 мы со Стэном почти не виделись. Я успешно преодолевал преграды в виде экзаменов, принц же готовился стать королем.

Наконец настал счастливый день, когда я пришел к Стэну уже в качестве полноправного Боевого Мага, с врученным дипломом и заработанным посохом. Он, помнится, дружески обнял меня, поздравил от всей души, угостил отменным пятидесятилетним коньяком, а на прощание спокойно уведомил:

– Коронация в это воскресенье, Харальд. Я... Хочу попросить тебя сразу после Церемонии занять место у меня за спиной. Даже если при этом придется грубо отшвырнуть какого-нибудь высокородного лорда.

– Как пожелаешь, Стэн, за спиной так за спиной, – немного опешил я. – Но что скажет Королевский Совет? Я ведь не рыцарь и даже не дворянин.

– Пусть это тебя не заботит, – ободряюще улыбнулся Стэн, однако глаза его остались непривычно холодными, – им будет не до того. Уж больно хлопотное дело Коронация.

– Ты чего-то опасаясь? – напрямик спросил я, отмечая про себя, что от прежнего Стэна осталось немного. Принц за последние недели заметно изменился: сделался серьезный, молчаливый, замкнутый, в чем-то даже недоступный. Но я не удивлялся, хорошо понимая, насколько тяжела уже сейчас ноша будущего короля.

– Я не опасуюсь, а просто остерегаюсь, – уклончиво ответил он, – сам ведь знаешь из Истории Англии, что во время Коронаций всякое случалось.

– Да уж, наслышан, – не скрывая недовольства, буркнул я, раздосадованный его явными недомолвками, – про кровь рекой, да про горы трупов.

– Ну, тут ты, брат Харальд, перегнул палку, – Стэн вновь улыбнулся своей новой отчужденной улыбкой. – Эти страсти когда происходили? Давным-давно, когда нравы у людей были

чрезвычайно коварны и жестоки. В наш же просвещенный век возможна лишь какая-нибудь пакость. Пусть утонченная, но все одно мелкая.

– Возможно, ты и прав, друг Стэн, насчет... Хм-м, просвещенного века и изменившихся, в хорошую сторону, нравов, однако я лучше буду ожидать худшего, тогда глядишь это худшее и не застанет врасплох, – нахмурившись, высказал я свое мнение. Честно говоря, предстоящая Коронация уже сейчас, наперед, начала внушать мне немалые тревоги.

– Вот и славно, – Стэн не проявил никакого желания поспорить, – в общем, поступай, как знаешь, главное только будь рядом.

– Это непременно, Ваше Высочество, – я церемонно поклонился, – хотя вы того и не заслуживаете.

Рассмеявшись, он в шутку стукнул меня кулаком в плечо. Я ответил ему тем же, радуясь в душе, что былой Стэн не совсем умер.

Встретились мы с ним вновь уже на Коронации. Все шло прекрасно до того момента, пока Стэн в качестве нового короля не зачитал свой Первый Указ перед лицом Всеобщего Собрания Дворян Англии. А надо сказать это была очень древняя традиция, предписывающая очередному монарху издать личный Указ, дающий понять, что оно печется о благе государства и поданных. Насколько я знаю, другие короли объявляли амнистии, отменяли либо уменьшали налоги, награждали особо отличившихся в сражениях за Англию – замками, землями, титулами и оделяли привилегиями торговые купеческие гильдии и тому подобное.

А Стэн... Он начал свою речь со слов:

– Милорды! Я, король Стэн I, высочайше повелеваю, – тут он для большего эффекта выдержал паузу. – Всем членам Королевского Совета сложить сегодня полномочия.

Осознав, что мой друг самолично, втихаря, затеял самый настоящий дворцовый переворот, я перестал слушать дальше. Первым делом пришлось накинуть на него невидимый колпак, способный защитить даже от арбалетного болта выпущенного в упор, а затем быстро просканировать окружающее пространство на предмет враждебных излучений мозга или готовящегося магического удара. Но вокруг царило всеобщее замешательство, близкое к состоянию глубокого шока. Богатые, знатные столичные вельможи стояли, глупо открыв рты и вытаращив глаза, точно также как и простые дворяне из отдаленных провинций. Понять их, впрочем, можно было легко. Слишком долго они подчинялись лорду Джулиану и его девяти верным сподвижникам. Слишком долго не видели и не слышали настоящего короля.

Но хитрюга Стэн хорошо все рассчитал. То, что вряд ли удалось бы ему впоследствии, не могло не получиться сразу после коронации, во время зачитания Первого Указа, в присутствии едва ли не всех дворян Англии.

Проверив и перепроверив еще раз весь огромный зал Собора Венца Судьи, где развивались события, я убедился, что Стэну, по крайней мере, пока, ничто не угрожает. Значит, можно было не особо расслабляясь, постараться вникнуть, о чем толкует мой приятель. Много я не услышал, ибо Стэн уже заканчивал свою речь, но и этого хватило, чтобы вновь приняться усиленно обшаривать все вокруг Магическим Щупом, индикатором опасности. Если Стэн вначале выступления нанес Королевскому Совету тяжелый удар, вырвав из рук фактически неограниченную власть, то теперь вторым указом он их окончательно добил назначением новых десяти Пэров. До этого момента прежний Совет еще мог надеяться заменить себя послушными марионетками и действовать закулисно, дергая тех, образно говоря, за веревочки. Сейчас подобные надежды безвозвратно рухнули. Почему? Да по той простой причине, что новые Пэры происходили из очень известных, древних, но в последние времена обедневших родов, покрывших себя неувядающей славой во всех Крестовых Походах и на полях битв в самой Англии и в Европе. А такие люди обладают честным, гордым нравом и чувством собственного достоинства, что никак не совместимо с ролью бессловесных, покорных кукол.

Собственно говоря, Стэн выбрал себе в помощники по управлению государством национальных героев и всеобщих любимцев. Дворянское Собрание это в итоге осознало, разразившись такими аплодисментами, что лично я едва не оглох. Проклятый Стэн... ну почему нельзя было меня обо всем заранее предупредить? Тоже мне, нашелся интриган-одиночка... дурак бессовестный!

Уже потом этот жуткий негодяй оправдался тем, что лорд Джулиан, вероятней всего после смерти Корвина 3, прослушивал с помощью Магии разговоры Стэна. А значит, он должен был, сведя риск к минимуму, до поры до времени держать рот на замке.

– Прости, друг Стэн, но все сказанное тобой полнейшая чепуха, – с ворчанием возразил тогда я. – Неужели ты забыл про мои Магические способности? А я запросто могу оградить от подслушивания любую беседу.

– Пойми, я не мог рисковать, – виновато повторил Стэн, – ведь у лорда Джулиана на службе состояли такие опытные Маги... Да ты сам знаешь.

– Гм, наверное, все же ты прав, – пришлось признать мне, – лучше подстраховаться в таком деле. Иначе...

– Вот, вот, – криво ухмыльнулся Стэн, – и я про то же, про иначе...

Следующий Указ Стэна касался моей скромной персоны. Мне было разрешено, в виде исключения, поступить в Лондонскую Высшую Школу Магических Искусств, чем я без промедления и воспользовался. Оплачивало обучение Королевское Казначейство. Оставалось, правда, одно обстоятельство, не дающее мне покоя: в далекой, холодной Скандинавии меня ждали братья. Там я был нужен позарез родному Клану, несущему порой тяжелые потери по той причине, что на стороне врагов, случалось, имелся чародей, смыслящий в Боевой Магии, а на нашей, увы, нет.

– Напиши письмо Эйнару, – зная мои терзания, как-то посоветовал Стэн, с которым мы теперь встречались нечасто по причине большой занятости обоих, – объясни в нем сколь много тебе может дать Высшая Школа и соответственно сколь много от этого выиграет Морской Клан Эрлинггов. Думаю, хорошо поразмыслив, он не станет возражать против твоего решения.

Я сильно в том сомневался, однако послание старшему брату отправил не мешкая. Прошло пару месяцев. Я с головой погрузился в пучину сокровенных тайн Магии. Приходилось нелегко, ибо Высшее Волшебство отличается в частности от обычного уже хотя бы тем, что все заклятия от простого до самого сложного составляются мгновенно, в виде готовых формул на мысле-образующем уровне. Тем не менее, все выходные дни я проводил при дворе, по мере сил и возможностей помогал Стэну решать возникающие проблемы.

А они, ой, возникали! Ну чисто грибы после летнего теплого дождя. К этому, вероятней всего, частенько прикладывали холеные, белые ручки бывшие Пэры, но точно доказать подобный факт, к нашему прискорбию, никак не удавалось. Уж больно хитры оказались наши недруги. Но мы терпеливо ожидали их, хотя бы одной серьезной промашки. Тогда можно было попытаться обвинить тех в государственной измене, а это, в случае удачи, означало одно – казнь на площади.

В один из моих визитов Стэн неожиданно объявил, что отныне я на службе.

– В качестве кого? – несказанно поразился я, застыв с вытянутой физиономией.

– В качестве придворного Боевого Мага, – с невозмутимым видом поведал он. – А почему это тебя удивляет?

– Ну-у... – неуверенно замялся я. – Вообще-то я только начал обучение в Высшей Школе.

– Что с того? Обычную то ты окончил с отличием. Диплом полноправного Мага у тебя имеется. Что еще надо?

– Гм, Стэн, дружище, ну почему бы тебе не выбрать на эту высокую должность кого-нибудь известного и опытного, из Профессионального Содружества Боевых Магов Англии?

– Я доверяю очень немногим людям, Харальд. Зачем же мне связываться с посторонним человеком, подчиняющимся кроме меня еще кому-то? Нет, брат, ты вольный Боевой Маг, подходишь на данную роль лучше всего. Возможно, опыта у тебя пока еще действительно маловато, но тут страшного ничего нет, наживется со временем.

– Я не дворянин, – вцепился я в последнюю возможность отказаться, – а без этого никак нельзя.

– Ошибаешься, – предусмотревший подобную отговорку Стэн с хитрой улыбкой протянул мне гербовую бумагу со множеством печатей и подписей, – ты, дорогой Харальд, еще два дня назад, с соблюдением всех законных формальностей, возведен в английское дворянство. Вот так!

Что мне оставалось делать? Да, сначала беспомощно развести руками, а затем погрозить Стэну кулаком. Неделью спустя Стэн вызвал меня прямо с занятий, чего до этого никогда не делал.

– В столицу прибыл Эйнар Сокрушитель, – буквально с порога огорошил он, – и желает видеть своего младшего братишку. Так что ступай к нему. И... – тут Стэн тяжело вздохнул, – Если надумаешь покинуть Англию, зайдя хоть попрощаться.

– Где он остановился? – тщетно стараясь скрыть сквозившее в голосе волнение, спросил я. – В какой гостинице?

– Харальд, друг мой, где останавливаются викинги? Конечно же, только на своем корабле. Неужто ты успел об этом позабыть? – даже немного удивился Стэн. – Иди в порт, там, в районе пятого причала и находится ваш знаменитый драккар «Гери». Счастливо тебе, дружище!

– До встречи, Ваше Величество. Я обязательно вернусь, – пообещал я с уверенностью, которую, честно говоря, в душе не испытывал, покидая уютный кабинет Стэна, где мы зачастую вели беседы у камина.

Взяв из королевской конюшни первого попавшегося коня, я быстро добрался до Темзы. Найти пятый причал и нашего красавца «Гери» большого труда не составило. Еще издали были видны его драконья голова да черный стяг Клана на мачте, с белым полярным волком в прыжке. Когда я подошел поближе, на палубе показались трое. Самый высокий из них подошел к борту. Я сразу узнал его – это был Эйнар, но сердце все равно екнуло, настолько он стал похож на отца. В два прыжка преодолев доску заменяющую трап, я очутился в медвежьих объятиях старшего брата и совершенно потерял всякую подвижность.

– Харальд, малыш, – рокотал над ухом его мощный бас, – да ты возмужал, возмужал! Но неужто и посерьезнел? Ну-ну, не отвечай, кто же про себя плохое скажет?

Проклятье! Ответить я не мог при всем желании. Самое большое, на что меня хватило, так это на слабое сдавленное мычание. Наконец мой братец уgomонился и чуть попустил стальные тиски своих рук, чем я воспользовался незамедлительно.

– Эйнар! – едва отдышавшись, я сам обнял его. – Как я соскучился по тебе!

Потом пришла очередь прибывших с братом урманов. Это были Тарнсмайль и Хендрис, ходившие с отцом в походы, когда я еще бегал босоногим мальцом. Поприветствовав друг друга, мы обменялись крепкими рукопожатиями.

– Хм, соскучился, говоришь? – Эйнар с сомнением посмотрел мне прямо в глаза. – А почему же про родной дом забыл? Про братьев остальных, да про Морской Клан Эрлингов?

– Я обо всем помню, – предвидя укоры с его стороны, с досадой отрезал я, – просто обстоятельства сложились так. Понимаешь, старший брат?

– Король Стэн действительно твой лучший друг? – совершенно неожиданно спросил Эйнар.

Я ограничился коротким утвердительным кивком.

– Что ж, тогда все правильно, малыш, оставайся, – к моему немалому удивлению сразу согласился он, – негоже бросать их Величество в столь сложный момент правления. Да

опять же, зачем терять уникальную возможность попасть в Высшую Школу? Учись, братец, хорошо и тогда в дальнейшем тебе цены не будет.

– Спасибо, Эйнар, за поддержку, – от переизбытка чувств у меня на глазах выступили слезы, – а я уж думал ты приехал мне дать нагоняй и забрать домой.

– Нет, что ты, – он, смеясь, отрицательно покачал головой, – ведь не деспот же твой старший брат. Почему тогда, спрашивается, я заявился в Англию? Ну, пожалуй, по двум причинам. Первая – я давно не видел малыша Харальда, вторая – хотел лично убедиться, что ты остаешься здесь по своей воле, а не удерживаешься здесь как пленник.

– Спасибо за заботу, брат, – с теплотой в голосе от души поблагодарил я, – но у меня правда все прекрасно. Не сомневайся в этом. И на свободу мою никто не посягает. Да и кто посмеет?

– А вдруг найдутся такие? – с изрядным недоверием предположил Эйнар, инстинктивно сжимая ладонь в огромный кулак. – В таком случае вся мощь Эрлинггов обрушится на их глупые головы.

– Я сам способен за себя постоять, – ворчливо напомнил я.

– Всяко бывает, малыш, – с грустью заметил он, – а ты крути не крути один в чужой стране. В стране, где урманов не сильно жалуют.

– Все будет в порядке, Эйнар, – заверил я брата, – если же случится беда, я обязательно найду способ известить о ней.

– Защити тебя Один, – нахмуренное чело брата немного разгладилось. – А теперь, давай выпьем, да просто поговорим по душам о жите-бытье.

Тарнсмайль с Хендрисом вынесли прямо на палубу стол, устали его едой, вином, затем, усевшись, составили нам компанию.

– Послушай, Эйнар, – запоздало удивился я, – а отчего это с тобой не приплыл ни один из остальных братьев? И где команда «Гери»?

– Видишь ли, малыш, я ведь не знал точно как у тебя дела, так зачем, скажи на милость, совать в петлю лишние головы? Поэтому я и не взял никого, хотя просились конечно все. Даже в команду я набрал минимальное количество людей. Сейчас, кстати, они в городе с наказом кое-что купить, а заодно послушать, о чем болтают обыватели. Отсеяв шелуху из таких разговоров, всегда можно извлечь зерна истины. А знание реальной обстановки никогда не мешает.

Эйнар пробыл в Лондоне три дня. За это время я познакомил его со Стэном, с которым они прониклись обоюдной симпатией. И вдобавок подыскал Боевого Мага, желавшего за звонкую монету послужить Морскому Клану Эрлинггов. Вернее сказать, тот сам меня нашел, представившись Рональдом Уайтом, окончившим Школу Магических Искусств, пять лет назад.

– Мне посоветовал обратиться к вам наш общий знакомый милорд Персиваль, ректор Школы, – заявил он, отказавшись от кубка вина, подогретого со специями. – Я хотел бы вас просить составить протекцию... Хм, не могли бы вы, господин Харальд, замолвить за меня словечко перед Главой вашего Клана? Дело в том, что я ищу хорошо оплачиваемую работу. Хочу, знаете ли, выкупить в Уэльсе замок предков. А для этого требуется еще немало средств. Прежняя же служба у графа Дэна Корнуэльского меня порядком разочаровала. Он богатый, но невероятно скупой, словно престарелый еврей-ростовщик. Надоело месяцами выпрашивать у него невыплаченное жалование.

– Я сведу вас с Эйнаром Сокрушителем, а там он пусть сам решает, – охотно пообещал посетителю я. – Но, думаю, ответ скорее всего будет положительный.

Я не ошибся. Эйнар с радостью ухватился за предложение Уайта. И у меня словно гора с плеч свалилась. Ведь теперь у Клана будет свой Боевой Маг.

Ранним утром четвертого дня, мы с Эйнарм прощались на пристани. Не сказав ни слова, мы просто крепко обнялись. А что говорить когда и так все понятно? При необходимости Клан придет на помощь мне, я в свою очередь Клану. В общем, очевидный факт.

Едва брат оказался на палубе, как «Гери» отшвартовавшись, распустил полосатый парус и лавируя между застывших судов, направился к выходу из порта. Печально глядя ему вслед, я не смог сдержать тяжкого вздоха. Приезд Эйнарм разбредил душу. Но что делать? Я не маленький мальчик и должен сам выбирать себе Судьбу, и когда тяжело не хныкать, а наоборот собирать волю в кулак. Эх, Эйнар, Эйнар, доведется ли свидеться еще? Кто знает... Разве только Великий Один.

Удивительно, наверное, но в круговерти насыщенной событиями жизни, я не заметил как минули годы обучения в Высшей Школе. Я был молод, понятлив, обладал железным здоровьем и потому везде поспевал. За прошедшие пять лет я участвовал в военных компаниях, зачастую, правда, в решающие моменты, регулярно бывал при дворе, иногда по приглашению Стэна присутствовал на заседаниях Королевского Совета. Но самое главное, со всей серьезностью учился как теории, так и практике.

После получения мной звания магистра Боевой Магии, Стэн преподнес свой подарок – посвятил в рыцари. Теперь обращаться ко мне следовало не иначе как сэр Харальд. Гереальдическая Палата подкрепила мои права на высокое звание соответствующим составлением герба. Выглядел он впечатляюще: на синем поле, окаймленном алым плетением молний, стоял рыцарь в серебристых доспехах и шлеме «Волчья голова». Одной ногой он попирает поверженную сторожевую башню, второй давил большую пятнистую змею. Левой рукой «железный страшила», символизирующий меня, опирался на магический посох, правой же держал на изготовку меч. Ниже всего этого бардака был начертан девиз: «Делай, что и должен и пусть будет, что будет!»

Для вольного урмана пережить подобные дары дело непростое, но я постарался, уж больно не хотелось огорчить Стэна. Я даже смог изобразить на лице радость после церемонии посвящения. Хм-м, все же видно я ее как-то не так изобразил, иначе с чего бы Стэн всерьез забеспокоился, а не тревожат ли меня зубы?

Не принимая в расчет обременительных хомутов в виде дворянства и рыцарства, навешанных на мою бедную шею, в остальном у нас со Стэном царило взаимопонимание. Это не значит, что мы во всем соглашались друг с другом. Совсем нет, иногда, оставаясь наедине, мы спорили до хрипоты, отстаивая каждый свое мнение, но при этом всегда в итоге приходили к чему-то общему и разумному. Да, Стэн оказался хорошим королем, за что в официальных хрониках получил прозвище Справедливый, хотя за глаза некоторые бароны называли его – Убыток. Почему? Ну, хотя бы из-за тех же эльфов. Стэн заключил с ними сначала перемирие, а потом и союз, когда в обмен на возвращение Страны Озерного Лотоса, эльфы признали вассальную зависимость от Английской Короны.

Ошеломляющие действия молодого короля вызвали у определенной части знати настоящий шок. Особенно сильно это задевало интересы тех баронов, что уже успели прибрать к рукам сказочно-прекрасные замки эльфов, плодородные, ухоженные земли, волшебные леса, полные чистого первозданного очарования, кишачие разнообразной дичью и пронизанные бесчисленной сетью кристальных ручьев, испокон веков славившихся своими целебными свойствами. А чего стоили Небесные Озера, сущий рай на земле? И все это отдать назад практически побежденным эльфам? Нет, опомнившись, решили бароны, так дело дальше не пойдет, юнца следует уговорить раз и навсегда. Но каким образом? Отравить! В конце концов, они сговорились и тем самым подписали себе смертный приговор.

К тому времени Стэн организовал такую эффективную тайную полицию, что знал о намерениях заговорщиков еще задолго до того, как у тех сформировался окончательный план. А тут как раз в виду назревающей войны в союзе с Францией против Германской Империи появился чрезвычайно удобный повод, не вызывая подозрений, собрать врагов вместе в Лондоне, где

ночью они и были благополучно арестованы всем скопом. Казнили их сразу же после решения Высшего Королевского Суда Англии. Казнили мерзавцев прилюдно – медленной страшной смертью... Но так было нужно, ибо поступи Стэн на этот раз мягко, второй заговор был бы неизбежен. И кто даст гарантии, что его удастся обнаружить также вовремя?

Да, тут уж ничего не попишешь: сидящий на престоле должен править справедливой, но твердой, суровой рукой. Иначе... Попросту говоря, долго не усидишь. После мы искренне сожалели об одном досадном обстоятельстве: непричастности к покушению на жизнь Стэна старых лисов из прежнего Королевского Совета. Вот на кого у нас давно чесались руки! Но закон есть закон и его карающий меч не применишь к невиновным, нравятся они тебе или нет.

Кроме вышеупомянутых баронов, Стэна не слишком жаловали жрецы Сеятеля жизни, объединенные в Святой Храм Ожидания Судьи. Эти мерзавцы, носившие на груди символ – круг с воткнутым посохом и прислоненным к нему мешком, повсюду пытались совать свой длинный нос, стараясь извлекать выгоду политическую, финансовую, духовного плана буквально со всего. Смиренные внешне, на деле они были крайне жестоки и коварны. Иной раз, объявив неугодного человека слугой Сатаны, жрецы устраивали ему показательную травлю, неизменно заканчивающуюся забиванием камнями до смерти. Убивала отверженного «стихийно» возникшая толпа, к появлению которой святоши естественно не имели «никакого отношения».

Стэн пытался найти способы воздействовать на них, но, в общем-то, без особого успеха. Шантаж, щедрый подкуп они с презрением отвергали. Не боялись они и грубой силы, имея в пастве едва не весь простой английский народ. Да что говорить, если Сеятелю Жизни поклонялись даже многие маги и вельможи королевства?! По существу вера в Сеятеля или по иному Вечного Скитальца была единственной, официально признанной государством религией. Вот и попробуй накинуть узду на такого могучего монстра!

Стэн молодец, хотя бы уже за то, что заставил относиться с опаской и должным уважением к своей особе высших иерархов Святого Храма. В первые годы жизни в Лондоне мне самому до чертиков надоели назойливые, нудные проповедники Сеятеля, возжелавшие вывести из тьмы язычества молодого скандинавского парня. В конце концов, безнадежно махнув рукой, они оставили меня в покое, убедившись, что мой разум органически не выносит оков, ничем реально не подкрепленных, закосневших догм.

Несмотря на скептицизм в отношении данной религии, я самым серьезным образом изучил главную книгу жрецов Святого Храма – Нари-Друну, не найдя в ней совершенно ничего правдоподобного. История возникновения жизни на земле трактовалась там примерно так. Однажды, мол, на Заре Времен, нашу, тогда еще мертвую планету посетил Звездный Бог, сын Создателя Вселенной. Явился он налегке: в руке волшебный посох, за спиной дорожный мешок с дивными, необычными семенами. Сначала Звездный Бог стукнул посохом о поверхность и наполнил ее Магией, а затем щедро засеял. Вскходы явили ему первых представителей животного и растительного мира. Но одни лишь люди оказались подобны обликом Звездному Богу, и потому он их поставил над всеми остальными существами.

– Помните! Кому много дано, с того и спросится, – слышали тогда слова Бога не в меру возрадовавшиеся первые люди. Это невольно заставило призадуматься о тяжести возложенного главенства. Сеятель Жизни пробыл на земле очень долго. За это время не умер ни один человек, не погибло ни одно животное, все были довольны и жили в согласии бок о бок.

Спустя тысячу лет, Звездный Бог стал собираться в дальнейший путь, объяснив, что его ждут еще сотни миров, которые тоже надо засеять семенами Жизни. Люди горько плакали, чувствуя себя детьми, брошенными родителем.

– Следуйте всегда моим Заповедям, не открывайте сердца Злу, творите Добро ближнему и вы никогда не познаете смерти, старости, болезней, – напоследок с предостережением напом-

нил им Звездный Бог, – если же совершите Грех, то станете рождаться и умирать быстро, словно мухи. И никто не избегнет Кары за свои плохие проступки, ибо за мной вослед идет Судья, воздающий каждому по делам его. Благочестивый получит в награду Вечную Жизнь на обновленной земле. Нечестивый же ввергнется в хаос развоплощения души, в долгую, мучительную и окончательную гибель.

Двенадцать лет после ухода Звездного Бога люди прожили безгрешно. Падение свершилось в начале тринадцатого года, с появлением на земле странного, слабого существа по имени Сатана. Откуда он взялся, рогатый уродец не объяснял, да никто из людей этим не интересовался. Пришелец бродил из одной общины в другую, пока не остановился в приглянувшейся деревне. Там он подружился с Кирланом, давно и безуспешно влюбленным в Тэру, жену лучшего друга Аларамы. И... Подговорил того столкнуть приятеля с высокой скалы. Нет, Кирлан конечно не сразу согласился. Поначалу возмущенно затыкал уши, не желая слушать речи коварного карлика, а вскоре заколебался, уверившись, что никто ничего не заподозрит.

– Обладание Тэрой стоит легкого пинка в спину Аларамы, тем более тот его заслужил, – сам себе в итоге сказал Кирлан, – ведь он не очень красив, к тому же ленив, глуповат, а значит попросту не достоин иметь такую великолепную женщину.

Сказано – сделано; Аларамы разбился в лепешку, Кирлан же завладел возжеланной Тэрой, нарушив Первую Заповедь Сеятеля – Не Убий! Содеянное Зло пошло карлику впрок будто добрая, сытная пища. Он подрос, раздался в плечах, рога слегка закрутившись, удлинились и сделались толще. А на исходе тринадцатого года, проклятого для человечества, был совершен Второй Грех – Грех Измены. Под влияние Сатаны попала одна женщина по имени Эрана, вследствие чего, позабыв о порядочности и верности законному супругу, она, уступив похоти, отдалась тому же злосчастному Кирлану.

Сатана набрался еще большей Силы. Теперь воспрянув, он выглядел даже величественно. Все свободное время он проводил в беседах со многими людьми, смущая их лукавыми речами. Ему воспротивились Верные Сеятелю Жизни, впоследствии названные его жрецами. Они то, дескать, только и спасли будущее всего человечества, изгнав Сатану в Подземное Царство своей праведностью и твердой верой в пришествие Судьи. Но несмотря на это появились болезни, люди начали стареть, умирать, как и предсказывал Сеятель Жизни.

С тех пор Сатана пытается всячески сбить людей с Пути Истинного во тьму Порока, жрецы же напротив стараются их вывести к Свету Вечной Жизни.

– Хм-м, и чем можно заниматься целую Вечность? – иногда с усмешкой думал я. – Наскутит ведь не только вкалывая пахать землю, бормотать молитвы да бить в храмах поклоны, грешить во всем мыслимом разнообразии и то, поди, быстро надоест.

С не меньшей иронией относился я к версии предков об устройстве и происхождении Мира. О-хо-хо! Чего стоит одно Посмертие, предстоящее избранным героям Скандинавии: многовековой пир вперемешку с пьяными дебошами в Валгалле, дворце Одина, в ожидании Рагнарека, последней битвы заведомо ведущей ко всеобщему уничтожению. Смех и слезы...

В этом плане лично я придерживался учения эльфийского мудреца Арафнагура, как наиболее вероятного и приближенного к Истине.

«Наш мир не един, – писал он в своем знаменитом томе „Сорванных Покров“. – Во Времени и Пространстве их существует великое множество, наслоенных друг на друга вокруг каждой планеты Вселенной. Верхние миры – Светлые, Нижние – Темные, а между ними располагаются Средние – Серые. После физической кончины душа покидает ненужный сосуд мертвого тела. И если она не отягощена грузом содеянного Зла, то воспаряет ввысь, к новому рождению в лучшем Мире. В противном случае опускается ниже в Серые либо Темные Пределы, где всегда имеет шанс, творя Добро заслужить возвышение к Свету. Самые страшные злодеи, опустившись на Дно Темных Миров, медленно самоуничтожаются, потому что тонкая, сложная структура души не может бесконечно выдерживать столь сильную нагрузку. Наступает словами

жрецов Святого Храма Ожидания Судьи, развоплощение в Хаос». Но опять таки замечу, что даже учение великого мыслителя Арафнагура не имеет совершенно никаких твердых доказательств. Одна голая, шаткая интуиция, слегка поддерживаемая известной логикой. И вряд ли хоть когда-нибудь эти доказательства найдутся, ибо из-за последней черты назад еще не вернулся никто.

Философские размышления на темы Бытия и Смерти невольно разбредили затянувшиеся, но до конца незажившие раны потерь. Вереницей перед моим мысленным взором прошли дорогие сердцу мертвецы: любимые женщины, доблестные родичи, верные друзья... Стэн был последним в этой длинной череде.

Захотелось выпить еще. Кубок наполнился, я отпил из него добрую половину и мной вновь завладели видения былой жизни.

Вот я делаю предложение огненноволосой красавице Эшли и она его, к моему немалому удивлению, принимает. Сладкий дурман первых ночей...

Потом очередная война против Германской Империи. Там, на залитых кровью бранных полях Европы я стал известен как Харальд Железный Волк. Враги крепко-накрепко уяснили, что если атаку англичан возглавляет рыцарь в шлеме «Волчья голова», битва будет особенно жаркой и упорной. Хотя мне, в основном, приходилось действовать иначе: например метать с господствующих высот огненные шары, устраивать коварные магические ловушки, наносить сокрушительные удары в тыл противника в нужный момент, либо же в особо опасные, критические минуты прикрывать Стэна магическим щитом.

Войну мы, правда, ту проиграли. Произошло это из-за вероломства нашего главного союзника – французского короля Шарля, накануне решающей битвы рано поутру уведшего свои войска прочь. Нам тогда тяжело пришлось... Полки немцев, австрийцев, венгров, хорватов, испанцев и итальянцев сомкнули вокруг нас смертельное кольцо. Наступившее жуткое побоище длилось с рассвета до заката.

Соратники Стэна, ирландский и шотландский государи, погибли, а сам он получил тяжелое ранение в живот. Жалким остаткам наших войск удалось спастись лишь ценой гибели английской королевской гвардии, прорвавшей вражеские цепи в уязвимом месте. Созданный проход они удерживали буквально до последнего человека. Я тогда прикрывал отход находившегося в беспамятстве Стэна и его ближайшего окружения. Войсковых Боевых Магов не осталось. Кто погиб, кто умирал на оставшемся позади поле боя. По пятам за нами гнались разгоряченные победители, во что бы то ни стало желавшие захватить в плен самого Стэна Справедливого.

И я бы не отбился сам, да выручили эльфы Страны Озерного Лотоса, бесстрашно сгрудившиеся возле меня со своими не знающими промаха луками. Ну да, остроухие кровью подтвердили вассальную присягу королю Англии. Жаль, только осталось их после того в живых вряд ли больше десятка. Мен тоже досталось: левая нога пострадала от вонзившейся в голень стрелы, из-под шлема, покореженного ударом булавы, текла алая струйка, уносящая последние силы, а под кольчугой, оставшейся правда целой, страшно болели ребра, не выдержавшие столкновения с тяжелым, немецким копьём. Проклятье! Подвела скверная привычка не одевать громоздкие, зато надежные, доспехи. Стэн постоянно за это со мной ругался, но без особого успеха.

Воинская удача по-крупному улыбнулась нам намного позже, во время Седьмого Восточного Похода. Помню, в лагере Объединенных Войск Европы царили разброд, неразбериха, полное отсутствие дисциплины и пьянство, неизменно оканчивающиеся внутренними кровопролитными стычками. На Военных Советах государи непрестанно сорились даже из-за мелочей, не считались ни с чьим мнением кроме своего, частенько противоречили сами себе. Сегодня они говорили одно, завтра совсем другое, противоположное. Но главное, никто из них не спешил начинать реальные боевые действия против арабов. Устав от этого бардака, Стэн отдал

приказ английской армии выступить в поход на завоевание жаркой, сказочно-богатой Аравии. Кое-кто из венценосных «стратегов» крутили тогда пальцем у виска и иначе как самоубийством затею Стэна не называли. Да, конечно, говорили они, Аравия расположена особняком от других арабских стран. И на помощь ей вряд ли придут даже ближайшие соседи. Но нужна ли ей вообще эта помощь? Лучше любого войска Аравию всегда охраняла страшная пустыня Хлори, славившаяся погибельными зыбучими песками, частыми пылевыми бурями, мучительными миражами, редкими, искусно сокрытыми источниками воды и почти полным отсутствием спасительных оазисов.

Стэн, однако, был отнюдь не глуп или опрометчив. В Печку, так переводилось название пустыни, мы сунулись, имея на руках надежную карту-путеводитель, на которой были обозначены все опасные, либо же жизненно необходимые места до самой границы Аравийских земель. Откуда у Стэна появилась карта? О, эта история короткая, но содержательная.

Люди из тайной полиции, давно выполняющие функции на враждебном европейцам Востоке, выследили и захватили опытного проводника караванов. Прошлись с ним по маршруту, проверили, удостоверились в надежности добытых сведений, затем составили карту, а уж после преподнесли Стэну. Но, несмотря на это, марш-бросок через Хлори остался в памяти как один из тяжелейших моментов в моей жизни. Великий Один! Как же я тогда грезил о снежных, холодных просторах родной Скандинавии! Да что говорить, я – истинный северянин и раскаленная Хлори, то есть Печка, были друг другу чужды и несовместимы.

Остальным парням тоже приходилось несладко: немилосердное солнце жгло кожу до волдырей, иссушало тело, ослепляло глаза, доводило разум до помешательства непривычных к такому климату англичан. Как бы то ни было, Аравию мы захватили сходу, неожиданно, без долгих приготовлений и осад, в первом же сражении наголову разгромив ошеломленную внезапною армией султана Максуда, а его самого взяли в плен. Желая спасти Повелителю жизнь, все города страны изъявили покорность, преподнесли Стэну символические ключи от главных ворот, с нижайшей просьбой ничего не разрушать, не жечь и никого не убивать. Стэн согласился, но назначил выплатить такую огромную контрибуцию, что даже выдавший виды казначей Лесли был поражен.

– Ваше Величество! Арабы скорее решатся на отчаянную, бессмысленную борьбу, чем добровольно станут нищими, – высказал он свою точку зрения на данный вопрос. – Вот увидите!

– Что ж, Лесли, тем хуже для них, – жестко отрезал Стэн, яростно сверкнув серыми глазами, – ибо тогда они в полной мере пожалеют о проявленной скупости. Война есть война и победенный либо выполняет условие, либо погибает.

Арабы оказались людьми благоразумными. Золото, потребованное с городов за неприкосновенность, было незамедлительно собрано до последней монеты. Но все это представилось сущей безделицей в сравнении с султанской сокровищницей в Фарбанде, древней столице Аравии. Она досталась Стэну по праву Победителя и как выкуп за жизнь и свободу султана Максуда.

– Зачем ему столько? – озадаченно спросил я Стэна, первый раз находясь в большом подземном зале со стенами из малахита, полом, выложенным мраморными плитами темно-синего цвета и уходящими ввысь серыми гранитными колоннами, покрытыми вязью сложного орнамента. Все свободное место заполняли дубовые сундуки с золотом, серебром, драгоценными камнями, различными ювелирными украшениями сплошь работы великолепных мастеров. Имелись тут доспехи на стеллажах и разнообразное оружие, развешанное на стенах: роскошно отделанное, изукрашенное, немыслимо дорогое.

– Харальд, подбери себе клинок по душе пока не поздно, предложил мой друг, сделав широкий приглашающий жест рукой, – нетто потом скряга Лесли внесет все это барахло в опись и что-нибудь выпросить у него будет практически невозможно.

– Хм, честно говоря, предпочитаю оружие простое, но надежное. А это так, парадный фарс, – пренебрежительно заметил я. – Хотя... мой взгляд остановился на изящно искривленном мече, чье лезвие скрывали ножны из черной плотной кожи, скрепленные полосами из нержавеющей стали. Взявшись за удлиненную рукоять, по виду сработанную из слоновой кости, защищавшую пальцы круглым кованым навершием и оканчивающуюся серебряной головой, я осторожно извлек клинок и тихо ахнул. Такой необычайной оружейной стали я, сказать по правде, не видел никогда. Она... мягко светилась изнутри таинственным лунным сиянием, еще больше подчеркивающим немыслимо идеальную полировку и острейшую заточку клинка, имевшего совершенную форму. С его обеих сторон имелась гравировка: с одной – женщина неземной красоты в мантии, короне и с факелом в руке, с другой – дивный роскошный цветок.

– Я беру этот меч, – с неожиданной для самого себя поспешностью, заявил я, – он, э-э, действительно не плох.

– Харальд, а знаешь, ты выбрал, вероятно, наибольшее сокровище из всех, что тут есть, – тихо промолвил Стэн, внимательно глядя на меч. – Разреши, – он протянул руки, бережно принимая полностью извлеченный клинок. – Нуда, так и есть, – возвращая спустя долгую минуту меч назад, почему-то шепотом признал он, – я не ошибся.

– Стэн, приятель, объясни толком, о чем это ты бормочешь? – стал терять терпение я, с недоверием переводя взгляд с него на меч и обратно. Чего греха таить, иной раз вспоминая озорную юность, мы беззастенчиво разыгрывали друг друга.

– Неужели ты никогда не слыхал о Эр-Глэйдре, Лунном Страннике? – несказанно поразился он.

– Нет, – грубовато отрубил я, косясь на него с недоверием. – А кто это? Покорнейше прошу, Стэн, не надо сказок!

– Дьявол тебя побери, Харальд, да ты держишь ее в руке. Сказку!

– Как так? – возможно несколько туповато переспросил я.

– Меч, пришедшийся тебе по душе, оружие легендарное и знаменитое, – изрек Стэн с наставительной ноткой. – И именно он зовется Эр-Глэйдром, Лунным Странником. Ну, дошло теперь, господин придворный Боевой Маг?

– Хм, и чем же он так прославлен? – я задумчиво погладил пальцами прохладную, гладкую сталь. – Надо полагать количеством срубленных голов у врагов?

– Не угадал, – с серьезным видом ответил Стэн, – хотя за двести лет странствий по всему Востоку, жизнью он погубил немало. В основном известен Эр-Глэйдр тем, что его, в числе прочих диковинок привез из волшебной, потаенной от посторонних глаз страны, мудрейший Сандиб, чародей калифа Гаруна-аль-Рашида.

– Сандиб Звездочет? – я в удивлении приподнял брови. – С этого бы и начинал, про него я кое-что знаю. Деканы да и ректор Высшей Школы, случалось по хорошему настроению, рассказывали о жизни загадочного араба, якобы побывавшего в иных сопредельных мирах. Подобные предположения следовали из записей в дневнике, найденных после его смерти, а так же несвойственная нашему миру необычность доставленных им предметов. Кстати, природа и предназначение большинства из них так и не были разгаданы. Некоторые даже послужили причиной гибели багдадских исследователей.

– Насчет предназначения Эр-Глэйдра могу добавить еще кое-что, – со значительным видом сообщил Стэн, – он способен, например, предупредить хозяина о приближении опасных существ и даже наличии яда в пище или любой жидкости.

– Любопытно. И каким же образом? – живо заинтересовался я.

– Ну, тут все просто, – пожал плечами Стэн. – Если тебя могут убить с помощью оружия, либо Магии, то факел в руке прекрасной леди загорается, и цвет его колеблется от бледно-жел-

того до темно-вишневого, в зависимости от степени опасности. В случае, когда беда крадется в виде яда, то с другой стороны клинка расцветает, наливаясь изумрудной зеленью, цветов.

– Не слабо! – с искренним восторгом восхитился я, заворожено уставившись на меч. – Какой же он умница, мой Эр-Глэйдр! И пусть только жадный паучище Лесли протянет к нему мохнатые лапы, отрублю не задумываясь.

– Харальд, дружище, что бы называть Эр-Глэйдр своим, надо пройти небольшой экзамен, – охладил мой пыл ковшом студеной воды Стэн.

– Проклятье! Надеюсь, от меня не потребуется перечислить с хронологической точностью все схватки и битвы, в которых участвовал Лунный Странник? – не скрывая недовольства, проворчал я. – Стэн, да что ты, в самом деле выдумываешь, какой еще, к Локи, экзамен? Или ты уже позабыл мои выпускные страдания сначала в одной, а затем в другой школе? Хватит, по-моему. Хватит!

– Гордость Лондонской Высшей Школы Магических Искусств заскулил от одного упоминания об учебе, – жеребцом заржал Стэн, – думаю, услышь тебя сейчас твой декан, обиделся бы смертельно.

– Плевать я хотел на его обиды, – в сердцах бросил я. – Ты лучше скажи, что я должен делать?

– Ничего сверхъестественного. Смажь лезвие своей кровью и подожди. Впитается кровь – ты новый хозяин. Не впитается – лучше оставь его здесь, иначе ни толку, ни добра от вашего союза не будет.

– Ладно, посмотрим, – я нетерпеливо полоснул мечом по ладони. Из глубокого пореза обильная алая струйка потекла по поверхности клинка и тут же без следа исчезла. Я пришел в неописуемый восторг, еще и еще орошая своей кровью чудесное оружие.

– Все, Харальд, довольно, – проявил, наконец, легкое беспокойство стоявший рядом Стэн, – иначе мне придется выносить тебя отсюда на руках. На, возьми платок.

Чувствуя легкий шум в голове, я послушно перетянул ладонь тонкой материей, мигом пропитавшейся кровью.

Уже на самом выходе из сокровищницы, Стэн, шедший первым, неожиданно остановился и, обернувшись, спросил:

– Так ты всерьез полагаешь, что Эр-Глэйдр появился из Иномирья?

Я утвердительно кивнул головой.

– Хм, в таком случае теория старика Арафнагура подкрепляется весомыми доказательствами. В отличие от извечной пустой болтовни жрецов Сеятеля Жизни.

– Нет, Стэн, тут ты сильно не прав. То обстоятельство, что один человек шлялся неведомо где, притащил домой неведомо что и написал невероятные небылицы о своих похождениях, не есть доказательством. С точки зрения жрецов, магов, ученых, да и просто здравого смысла. В это могут верить только жуткое еретики вроде тебя или меня.

– А как же бесследное исчезновение эльфов Германии?

Я ожидал подобный вопрос, потому ответил сразу.

– Люди императора Рудольфа, перекрывшие перевалы и запершие остроухих в долине Гейзеров, могли просто их перебить от мала до велика. Потом, чтобы скрыть злодеяние, тела побросали в многочисленные трещины и завалили камнями, либо замуровали навечно в какой-нибудь большой пещере.

– Да ладно тебе, Харальд, – Мир пока мало обращает внимание на уничтожение слабых народов. Так с чего бы это кровавому Рудольфу бояться прилюдно, замарать и без того грязные по локоть руки? Мой батюшка, на что добрый был, но и тот хотел известить английских эльфов под корень, не выдумывая при этом никаких оправданий. Так что, Харальд, думаю молва, утверждающая будто остроухие отыскивали и открыли Дверь в Иной Мир, верна на все сто процентов.

– Нет, я непременно донесу Совету Высших Иерархов Святого Храма о том, что мой друг, король Англии Стэн I погряз в жуткой ереси, подмигнув, ухмыльнулся я.

– Нашел чем удивить проклятых святош. Да они между собой меня называют не иначе как Ставленник Тьмы Подземного Царства, посланного в Англию смущать умы и насаждать сатанинские порядки.

– Надо как-нибудь, основательно подготовившись, устроить гадам беспощадную резню. За одну ночь взять да и вычистить от них всю славную Англию, – скрипнув от бессилия зубами, вслух помечтал я.

– Угу, а наутро отбиваться в королевском дворце от этой самой славной Англии, восставшей до последнего человека? Нет уж, Харальд, уволь меня от подобного удовольствия. Святой Храм не бароны, на него управы пока нет, – тяжело вздохнув, Стэн открыл дверь и вышел.

Я же, опустив голову, последовал сзади. Впервые за долгие годы знакомства, я уловил в голосе друга непривычную горечь безнадежности. И еще мне вдруг бросилось в глаза, насколько сильно Стэн поседел за последнее время...

Не успели мы пройти и двадцати ярдов, как нам навстречу попался казначей Лесли в сопровождении группы писцов и большого отряда охраны. Ответив на его приветствие, мы со Стэном обменялись ироничными взглядами. Милый скарабей Лесли чуток опоздал. Что ж, надо быть немного порасторопней, господин главный королевский казначей.

После дележа захваченной в Аравии добычи, я получил огромное вознаграждение в виде пятнадцати тысяч золотых монет, а к ним в придачу шкатулку красного дерева, полную изумрудов, бриллиантов и еще серебряный ларец с необычайно крупным жемчугом. Впрочем, никто из английской армии не оказался обделен. Все, вплоть до простых воинов вернулись на родину состоятельными людьми. После триумфальной победы в Аравийской Компании, малокровной и осязательной в финансовом плане, настал длительный, спокойный период. Я заскучал с непривычки и решил, наконец, навестить родичей, а уж за тем всласть побродить по дикой глуши бескрайней Скандинавии. Стэн выслушал мою просьбу об отпуске с явной неохотой, однако, зная, что нельзя держать в клетке вольную птицу, отпустил.

До Снежного острова я добрался довольно быстро, договорившись с капитаном шведской каравеллы, следующей из Лондона в Стокгольм. Великий Один! Сколь же много изменилось дома... Наш центральный поселок вырос почти втрое и был по сути уже небольшим городом. В нем высились непривычные для Скандинавии двух, трехэтажные дома-крепости из камня, больше уместные где-нибудь в пограничных областях Англии. Построены же они были на земле Снежного острова, скорей всего в результате постоянного посещения Кланом Эрлингов Туманного Альбиона. Так сказать влияние чужой, но не враждебной культуры.

Из моих родных, шестерых братьев, смерть пощадила лишь двоих: Эйнара и Финнварда. Зато сколько появилось молодежи! Повсюду мелькали юные, незнакомые лица, оглядывающиеся на меня с любопытством и недоумением. Что, мол, за чужак здесь шляется? Проклятье! К своему ужасу я сразу, с первых шагов, осознал, что уже никогда не почувствую себя здесь, как дома... Слишком много лет прошло на чужбине, слишком много воды утекло, слишком сильно изменился сам Харальд Смелый...

Да, я действительно здесь чужой. Чужой... Эйнар с Финнвардом конечно старались во всю, буквально расшибались в лепешку в желании проявить заботу обо мен даже в мелочах. Но это еще более усугубляло ощущение отверженности. Так беспокоятся о дорогих, уважаемых гостях, но не о родичах близких по крови и духу.

– Кто ж тебе виноват? – с горькой иронией мысленно спросил я себя. – ты сам выбрал жизнь, которая пришлась больше по нутру. Так что не скули теперь и не распускай сопли, сэр Харальд.

В первый день пребывания на родине меня навестил Рональд Уайт, все эти годы верой и правдой служивший Клану Эрлингов. Мой однокашник по Лондонской Школе из худоша-

вого, подтянутого английского господина превратился в истинного викинга: крепкого, кряжистого, с красным обветренным лицом и солидной, едва не до пояса бородой.

– Ну, как, выкупили замок? – после обычных, обоюдных слов приветствия, с улыбкой поинтересовался я.

– Да ну его к черту, – легко, без тени сожаления, отмахнулся маг, – здраво подумавши, я не захотел.

– Надеюсь, тому виной не скупость Эйнара? – всерьез обеспокоился я. – Если так, то я удивлен, брат никогда не был жадным.

– Нет, нет, что вы, сэр Харальд! Господин Эйнар очень щедрый человек. И я уже давно заработал на два подобных замка, – поспешно заверил меня Уайт. – Причиной же изменения моих прежних планов оказалась женщина.

– Что поделаешь, все плохое и хорошее в мире происходит из-за женщин, – понимающе усмехнулся я. – Не было бы их, История походила бы на унылый пруд со стоячей водой. Они, так сказать, тягловая сила дальнейшего развития Цивилизации.

– Я не берусь судить в столь глобальных масштабах о роли женщин, – добродушно отшутился маг. – Могу сказать лишь за себя. Хельга – моя жена и мать моих троих детей, лучшее что есть в жизни Рональда Уайта. И именно она ни в какую не захотела ехать в Англию. «Что я там позабыла? – строго прищурившись, спросила она у меня. – В этом вашем королевстве, основанном на болотах, заполненных туманами и вредными испарениями? Нет, муженек милый и не мечтай об этом больше никогда, ибо дети там зачахнут без свежего морского воздуха, целебной воды Скандинавских ручьев и привычной пищи. Да и вообще, с какой кстати они должны отправляться на чужбину? Им что, негде жить? Или нам стал мал дом, подаренный Кланом? Так построй здесь такой, какой душа пожелает. Благо, золота у нас хватает». – Ну, я, выстроив дом в английском стиле, тем и ограничился, – разведя руками, заключил маг. – А куда ж деваться? Не менять же пустой замок предков на горячо любимую семью? Короче говоря, сэр Харальд, я прочно пустил корни на земле клана Эрлингов, сроднился с суровой, прекрасной природой Скандинавии, обзавелся родственниками, друзьями и о возвращении в Англию, где меня никто не ждет, не мыслю давно. Я счастлив. Полагаю этим сказано все.

– Я рад за вас господин Уайт. Вы сделали правильный выбор, – от всей души одобрил я. – В Урманленде жизнь конечно простая, зато без подлости и вероломства, свойственных традициям европейских стран.

– А у вас... есть дети, сэр Харальд? – немного поколебавшись, деликатно спросил он. – Вы уж простите за любопытство.

– Нет, – помрачнев, коротко ответил я, не желая вдаваться в подробности. Да и зачем было знать этому милому англичанину, ставшему большим урманом, чем я сам, что Эшли, моя законная жена, вот уже который год не может забеременеть? Ее, любившую балы, наряды, украшения, это впрочем, кажется, не сильно заботило. По крайней мере, не так сильно, как меня, родившегося и выросшего в Скандинавии, где нормальная семья не мыслилась самое меньшее без двух, трех ребятишек.

С Рональдом Уайтом мы распрощались очень дружественно. И я... В глубине души, похорошему позавидовал ему.

По прошествии трех дней пребывания дома, я засобирався в дорогу.

– Только приехал и уже исчезаешь. Ну разве так можно? – даже слегка обиделся Эйнар. – Ладно, я бы понял тебя, заскучай ты по столичной, светской жизни в нашем медвежьем углу. А то ведь наоборот – лезешь еще в большую глухомань. Почему ты так поступаешь, Харальд?

– Эйнар! Любимый старший брат! Прости меня и не сердись, – я примирительно обнял его за плечи. Разве я виноват, что по своей натуре являюсь неисправимым бродягой? Скучно мне сидеть на одном месте. Такой уж я и есть, иным не стать. К тому же в кои-то веки у меня

появилось свободное время. Так отчего не использовать его, реализуя давнюю мечту: исследование огромных, внутренних пространств Скандинавии?

– Дались они тебе. Все равно ничего интересного там нет, – с нескрываемым недовольством проворчал старший брат, – сосны, ели, ручьи Снежного острова, ничем не отличаются от сосен, елей, ручьев Континента.

– Как сказать, – не согласился я, спрятав улыбку, – никто ведь не забирался глубже ста миль от побережья или границ Свейленда, Дунленда и Урманленда. Представь, какое там раскинулось раздолье для древних тайн, странных загадок и неожиданных приключений.

– Хм, тогда нечего шляться по эдаким ненадежным местам одному, – озабоченно глядя на меня, вдруг забеспокоился, нахмутив брови, Эйнар, – а то, как бы беды не вышло. Ты, Харальд, вот что, возьми, пожалуй, с собой десяток крепких парней. Вряд ли они окажутся лишними.

– Эйнар... – в первые секунды, растерявшись, я даже не нашелся, что сразу ответить. – Да за кого ты меня принимаешь? За изнеженного английского дворянчика? За маленького глупого мальчишку? Эйнар, я взрослый урман и боевой маг, участвовавший в доброй сотне больших сражений. Я тот Харальд, который еще в отрочестве получил заслуженное в кровавом бою прозвище Смелый, а на полях Европы стал известен как Железный Волк. И поверь, старший брат, это имя вгоняло в дрожь самых закаленных, стойких рыцарей вражеских королей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.